

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосв. Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского [и Кашинского († 13 октября 1896 г.): Том 1. (1819–1850 гг.) Годы: 1843–1845] // Богословский вестник 1897. Т. 3. № 8. С. 225–272 (3-я пагин.). (Продолжение.)

— 225 —

Не приумножилось-ли семейство ваше? Растите, множитесь 1843 г. и благоденствуйте“!

9-го апрѣля (въ великую пятницу), въ 6-мъ часу утра Богъ дароваль намъ сына, котораго нарекли Михаиломъ въ память моего родителя и въ честь Благовѣрнаго князя Михаила, Муромскаго чудотворца (память его 21-го мая). Восприемниками его при крещеніи были: Муромскій стряпчій Александръ Алексѣевичъ Горицкій и дворянка Марья Никитишна Герцегъ—родственница моей тещи. Не долго, впрочемъ, суждено было намъ утѣшаться своимъ первенцемъ. Въ слѣдующемъ 1844 году, іюня 1-го дня, послѣ довольно продолжительной болѣзни, онъ тихо скончался на моихъ глазахъ. Въ минуту смерти я пораженъ былъ неземною улыбкою на его устахъ. *Таковыхъ бо есть царствіе небесное.*

Помѣщаю здѣсь очень любопытное письмо, писаное изъ Таганрога отъ 30 іюня полковымъ священникомъ В. Н. Вознесенскимъ учителю Муромскаго училища Г. В. Ястребову, женатому на дочери Н. С. Аменицкой:

„Не знаю въ правду ли, говорятъ самая важная наука въ жизни — молчать. Не для виноватыхъ ли такая хитрая наука? У военныхъ такъ: молчаніе, особенно обвиняемаго— въ правду ли не правду ли—вещь самая важнѣйшая, триумфъ армейской службы, который сберегаетъ намъ цѣлыя толпы затѣйливыхъ воителей. Я не люблю этой науки: признаюсь, не люблю держать языкъ на привязи и тормозить своей откровенности; молчаніе признаю достоинствомъ отрицательнымъ; но предъ тобой, любезный мой, пасъ! преклоняю свою лысую и серебристую голову — руби ее, если не вспомнишь великодушнаго обычая предковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не отвѣчать безъ малаго три мѣсяца на дорогое письмо—и при томъ письмо первое—криминаль въ общественной жизни, уголовное преступленіе по всѣмъ законодательствамъ, даже по законодательству Конфуція. Это обстоятельство, дѣйствительно, лежитъ камнемъ и доселѣ на моей совѣсти, тѣмъ больнѣе, что это едва ли не первый случай въ жизни, гдѣ моя аккуратность и постоянное вниманіе къ роднымъ, допустила до себя пятно и нареканіе. Очень больно. Но послушай, любезный, не все то грязно, что черно, и алмазь достается изъ подъ самой грубой коры.

1843 г. Письмо ваше сперва переслано было мнѣ Ек. Степаловой въ деревню верстъ за 200 отъ Таганрога, въ одинъ изъ говѣвшихъ у меня баталіоновъ Баталіоновъ этихъ въ прошедшемъ году лежало на моей шеѣ до семи; каждый изъ нихъ состоялъ изъ 1,200 человекъ и болѣе. Слѣдовательно нужно было исповѣдать отъ 8 до 9 тысячъ человекъ; а исповѣдовать такую команду—особенно хохловъ, которые по общему наблюденію психологовъ, составляютъ лишь границу или переходъ отъ существъ разумныхъ къ царству существъ бесловесныхъ, скажу откровенно не рукой махнуть, не поле перейти, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи 10 лѣтъ своей службы, я никогда не подражалъ лукавому обычаю—хохловъ—собратій своихъ, дѣлать эти вещи кое-какъ—гуртомъ, штукъ по 20, по полсотнѣ и болѣе. По нѣсколькимъ днямъ безвыходно просиживалъ я въ храмѣ; едва ли случалось, кромѣ легкой закуски, обѣдать разъ въ недѣлю. Говорю объ этомъ не для того, чтобы вытянуть невольную дань собственному самолюбію, но пишу какъ вѣрный историкъ и большой поклонникъ правды, какъ аккуратный слѣдователь, хочу развязать всѣ узлы и открыть всѣ закоулки казуснаго дѣла.

На Пасху можно бы? дѣйствительно, но потому ужъ трудно, что Пасха. Кромѣ того, нашъ роскошный югъ, къ послѣднимъ недѣлямъ великаго поста, такъ раскутился, что мы имѣли несчастье—или, согласно съ статьями о поэтахъ,—радостный восторгъ встрѣтить здѣсь зиму—зиму русскую съ 25 градусами мороза. Эта „сѣдая волшебница“ смела пушистымъ жезломъ всѣ наши цвѣты, покрыла зазеленѣвшуюся природу снѣжнымъ саваномъ аршина въ полтора; а главное: подмѣтивши, злодѣйка, что мы распахнули окна и двери, навѣяла тьму простудъ и ревматизмовъ, и едва-едва не разлучила насъ съ сыномъ. Мой бѣдный Паша на Оуминой такъ заболѣлъ, болѣзнь такими исполнинскими шагами вела его ко гробу, что мы было отчаялись видѣть его болѣе въ семьѣ своей. Я люблю дѣтей какъ душу. Не довѣряя чужому глазу, я самъ ходилъ за ними и въ кори и оспѣ и скарлатинѣ и коклюшѣ,—я и теперь поднятъ на ноги весь медицинскій факультетъ Таганрогскій; но, къ несчастію, имѣлъ лишь лишній случай видѣть безсиліе искусства человеческого въ трудныхъ немощахъ. Ни Броувъ-исты, ни

Брусса-исты не помогали. Медицина отказывалась. Паша 1843 г. дошелъ до всевозможнаго изнеможенія, уже холодѣлъ, уже закатывались глаза, не болѣе 20 разъ билъ пульсъ въ минуту.—Потухали совсѣмъ наши надежды. Я накрылъ кончающагося воздухомъ съ мощей св. угодника Божія Митрофана—и — благодѣтельный сонъ успокоилъ страждущаго часа на два. Минуты скорбныя, безотчетныя, сколько бы ни хитрился языкъ человѣческій, никогда не процѣдить ему сквозь рѣшето своего слова, всей полноты чувствъ сердечныхъ, не перевести на ходячій говоръ языка души; но благодаря Промыслу, Паша проснулся покойнѣе, искра жизни опять мелькнула въ охолодѣвшихъ членахъ—и эту-то искру съ Божіею помощію молитвами св. Угодника Господня опять раздули до настоящей полноты. Теперь, слава Богу, Паша опять прыгаетъ и расцѣвуетъ хохлацкія пѣсни; но скоро сказка сказывается, а сколько тревожныхъ безсонныхъ ночей должны были провести мы при постели больного? Я былъ почти безсмѣннымъ дежурнымъ, едва-едва часа на два въ сутки закрывалъ глаза; но, слава Богу, я не чувствовала ничего особеннаго, за то Ек. Степановну эти безпокойства рѣшительно съ ногъ срѣзали; она заболѣла сама, а это значить, что для меня лишъ только перемѣнилась „дирекція“,—значить, что я перешелъ отъ огня къ полюмию. Случалось ли вамъ испытывать, или по крайней мѣрѣ, видѣть состояніе мужа-отца, при постелѣ любимой жены-матери семейства. Нѣтъ?.. И не дай Богъ! Картина неприятна не только для сердца, но и для взора. На среднемъ планѣ этой картины—прибавьте еще—группу малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ одного, семимѣсячнаго, надобно въ это время по необходимости отнимать отъ груди — а на дальнемъ — чужую, дальнюю сторону, гдѣ трудно встрѣтить постороннее участіе, гдѣ всякую услугу надобно купить на чистую монету? Здѣсь проявилась солдатка Муромлянка, дочь какой-то бывшей наньки Гейцыга, потомъ Языкова Михайла—по имени Авдотья—повѣрите ли: я ей платилъ по рублю въ день, чтобы она только бормотала женѣ что-нибудь о Муромѣ, занимала, развлекала ее?.. Теперь, слава Богу, у насъ обстоитъ все благополучно. Теперь кто же изъ васъ первый бросить камень на виноватаго, кто первый подписеть приговоръ къ моему обвиненію?.. Скажите, могъ ли

1843 г. я, даже долженъ ли былъ украсть хоть нѣсколько минутъ у больныхъ, чтобы посвятить ихъ вамъ?! Я сказалъ все, не громсздясь на ходули обычныхъ истертыхъ оправданій;— отъ вашего благоразумія зависитъ теперь приговоръ и рѣшеніе. Прощай, мой другъ, до завтра. Теперь некогда. Иду на промысль.

1 іюля. Поздравляю, любезный, съ 1 числомъ. У васъ, я думаю, и ярмарка прошла и кошельки поопустѣли; лучше: легче! деньги любятъ движеніе съ мѣста. Но шутки въ сторону. Мнѣ бы надлежало теперь отвѣчать по пунктамъ на милое письмо ваше. Но, любезный, не поведетъ ли это насъ въ глубокую даль догадокъ, предположеній, умозаключеній, быть можетъ неосновательныхъ и ложныхъ! Сердце человѣческое—пучина; я боюсь пускаться туда, боюсь какъ бы не затронуть, не потревожить какихъ-нибудь чувствительныхъ пружинъ — не разшевелить бы какъ чьего самолюбія; а самолюбіе—вещь самая щекотливая, самая опасная. Я однажды пооткровенничалъ, пошутить по родственному; да вѣрно не впопадъ: за то мнѣ платять девятилѣтнею самую упругую упругостію. Нѣтъ, слушая слегка анатомію, которую читалъ мнѣ одинъ изъ умныхъ докторовъ нашихъ, и разсматривая сердце человѣческое подъ ножомъ анатома, я видѣлъ тамъ тьму самыхъ тонкихъ волоконъ, самыхъ незамѣтныхъ почти сосудцевъ, которыхъ никакъ не разгадать живымъ. Оставимъ это въ покоѣ... Мнѣ позвольте, любезный, только благодарить васъ отъ всей души за ваше отчетливое увѣдомленіе о родныхъ; я ихъ очень люблю; и позвольте мнѣ впередъ надѣяться почаще хоть отъ васъ подобныхъ увѣдомленій. Повѣрьте, письма ваши будутъ праздникомъ для насъ на чужбинѣ, и я съ своей стороны не замедлю сообщать вамъ о своемъ подвижномъ жатѣ-бытьѣ.

Жаль, очень жаль любезной сестрицы и матери нашей Надежды Степановны. Заботы, безпокойства прежде времени сокрушили ее. Но крестъ всегда—крестъ. Онъ никогда не можетъ быть легкою для нашей чувствительности. Чѣмъ выше вещь, тѣмъ дороже за нее платится; а чѣмъ дороже, тѣмъ труднѣе приобрѣтается. А вы знаете, что мы покупаемъ *терпнїемъ*? (у Луки, кажется). Растолкуйте ей сами—какъ сынъ—по сыновнему. Въ природѣ все терпитъ.

Это законъ неизмѣнный! И замѣйте при томъ, что кто чѣмъ невиннѣе, тѣмъ болѣе тотъ терпитъ. Пусть всмотрятся хорошенько въ природу. Вѣрно, это нужно, необходимо... Спартанцы научали „терпѣть по волѣ, потому, дескать, что будешь терпѣть по неволѣ“. Но они—старше дурни, — у насъ другой законъ... О, какъ бы мнѣ хотѣлось хоть еще разъ посмотрѣть, побесѣдовать въ кругу вашемъ! съ потерею родныхъ Муромъ для меня теряетъ всю цѣну.

Александръ Егорычъ до сихъ поръ еще на распутьи. Нерѣшительность въ его состояніи опасна. Мечты — не достоинство. По моему, мечтательность самая тонкая и опасная сѣть, которою лукавый ловитъ насъ въ свои когти: потому что всѣ дѣйствія мечтательности имѣютъ пружину въ самолюбіи, въ нашемъ замысловатомъ, и всегда почти, пустозвонномъ—я. О, какъ за то дѣйствительность поражаетъ очарованнаго мечтами,—своею рѣзкою несообразностію его понятій съ вещами, предположеній съ исполненіемъ, чувствованій съ отношеніями. Право, правъ старикъ Баумейстеръ, выдавши за положительную истину, что *non scholae, sed vitae discendum est*. Жизнь имѣетъ свои законы, законы непреложные, которые никакъ не перемѣнить намъ своими мечтами, а нужно къ нимъ поддѣлываться. Что за мысль, „если въ свѣтѣ увидитъ онъ вышшихъ себя въ чинахъ, не снесетъ—умретъ?“. Это что-то а la высшей гордыни. Скоро же ему придется умереть, очень скоро—непремѣнно при первомъ же поступленіи на какую угодно стезю жизни. И по моему ему учиться бы—учиться! Что ему можетъ дать учительское мѣсто—личную привилегію грязь топтать—не правда ли?—Но только учиться не медицинѣ. Медицина (хоть не наука, но сборъ опытовъ)—сама по себѣ—объяденье; но казенная медицинская служба—бѣдець! Не смотря на прибавку ей жалованья—я никогда ни какъ не помѣнялъ бы своей жизни, на жизнь медика въ полку. Это цыганская поганая жизнь; покою никогда, а ответственности, неприятностей—команды! Въ нашемъ званіи надобно закутать себя въ длинные рукава—шапку — ушанку — правда: но сквозь эти длинные рукава не продуваетъ сквозной вѣтеръ свѣтской суеты, не проходитъ шумъ паденій, и не тревожатъ бури политическихъ переворотовъ. Согласитесь сами, что покойнѣе, картузь или шапка—

1843 г. ушанка? О, эта вещь самая комфортабельная. — Я дорого бы заплатилъ за нее, еслибъ можно было здѣсь достать ее. Мой ревматизмъ жестоко въ ней нуждается. Нѣсколько разъ я посыкался было просить Павла Степаныча переслать мнѣ изъ Владиміра; но... вдоль по улицѣ молодчикъ, вдоль по широкой голубчикъ и проч. и проч.

Нѣтъ, есть невыгоды въ нашемъ званіи, невыгоды большія—но не тѣ. Узнаеть самъ, когда поступить. Впрочемъ, гдѣ ихъ нѣтъ?..

И въ этомъ-то „комфортабельномъ“ отношеніи, я завидую своей любезной Любушкѣ. Радуюсь за нее, мою голубушку. Не прельщаетъ меня ихъ довольство и обиліе. — Благодаря Бога и мы никогда не имѣли не только нужды, но и недостатка; но роскошь природы, ароматы полей, чистый воздухъ, деревенская неподдѣльная простота жизни, вотъ чего хотѣлось бы отвѣдать. Право, городской воздухъ становится вреденъ для меня, какъ сѣверъ для покойнаго Пушкина. Потрясаемый безчисленными сплетнями, раздорами, тщеславіемъ, гордостію и жадностію огромнаго скопища людей, мутный отъ происковъ, сырой отъ глупости, пыльный отъ скотовъ, производитъ онъ удушье въ легкихъ и круженіе въ головѣ. Хотѣлось бы хоть одну весну, хоть одно лѣто провести въ деревнѣ при чистомъ ручейкѣ, подъ тѣнію прохладной рощицы. (Видишь, и я еще поэтизирую подъ часъ). Ты, я думаю, забылъ Монастырки или Просветскіе березники? Тогда они, не знаю почему, казались въ какомъ-то прозаическомъ видѣ; но теперь — это казовый конецъ жизни. Впрочемъ, мнѣ хотѣлось бы на чистый воздухъ, при настоящихъ моихъ средствахъ, т. е. чтобы при мнѣ находилось постоянно прислуги человѣка четыре, и тысячь—ну хоть до двухъ, или даже до полуторы (по деревенски) въ годъ обезпеченія — а то говорятъ на пустой желудокъ плохо дѣйствуетъ и деревенская чистота воздуха. Вы вѣрно, на вакацію будете въ Зяблицкомъ погостѣ? Когда увидите съ моей Лебедушкой, — скажите ей отъ меня большой поклонъ, разцѣлуйте пожалуй, если мужъ не забіяка. Скажите, что я и досель люблю ее; не знаю любить ли она меня злодѣйка? Впрочемъ, я теперь и лысь и сѣдъ—на головѣ проявляется проталина, на которой можно написать цѣлую отставку для всякаго влюбленнаго. Грибо-

ѣдовъ сбаялъ: „скажи тому любви конецъ — кто на три 1843 г. года вдаль уѣдетъ“. А мы ужъ—здоровы-були 11-й рикъ (годъ). Объ дѣтяхъ велите молиться больше Богу и угодникамъ Господнимъ.

Василій Степанычъ —чудакъ! Молчанію онъ выучился вѣрно у рыбъ, которыхъ охотникъ былъ удить. Объ немъ и намъ лучше молчать, а то какъ бы не обидѣть, не тревожить его безмолвія.

Владиміръцы? тоже народъ дѣловой! Недавно писалъ я имъ два огромныхъ посланія, но отъ нихъ, знаю, не дожدهшься отголоска. Абрамычъ въ этомъ отношеніи подъ шерсть пришилъ къ Степанычамъ. Но если, какъ вы говорите, онъ похожъ на Сукста V-го хоть сзади, то не похожъ ли и Пареній на Гильдсбрандта или Григорія VII-го. У него не вдругъ найдешь какъ не перегибайся.

Прасковья Степановна буду самой писать. Если не получить на одной съ вами почтѣ, то на слѣдующей непременно. Вашу милость, любезный, я зналъ дѣйствительно, какъ „сорви голова“, нечего грѣха таить. Но это самое лучшее ручательство за будущее. Я самъ не изъ простыхъ (ты улыбнешься, можетъ быть, а мнѣ что за дѣло, — я за 1300 верстъ)—я самъ таковъ. По мнѣ смѣшонъ дитя—старикъ. Я и теперь еще частенько вспоминаю старину съ своими дѣтьми—играю съ ними, рѣзвлюсь, самъ пособляю воровать имъ у маменьки нитки для змѣевъ, научаю подъ часъ иногда, какъ ловчѣе подобраться и къ вареньямъ. Достается намъ иногда за это отъ маменьки всѣмъ троимъ на орѣхи; но гроза пройдетъ и все разразится смѣхомъ. Понимаю, любезный, въ вашей жизни тоже мало поэтического. Я представляю жизнь вашу, какъ жизнь Рыбкина въ свое время. Классъ и кондиція,—кондиція и классъ, вотъ категоріи, по которымъ выкраивается весь вашъ настоящій бытъ. Не знаю, велика-ли польза? Пора бы ужъ, дѣйствительно, нарядиться и въ ушанку. Да не угодно-ли, любезный, съ знаменемъ Царя небснаго подъ знамена Царя земнаго? Вѣдь не всѣмъ такая невзгода, какъ вашему дядюшкѣ. Дяденькѣ вашему очень часто мѣшало то, что онъ какъ-то отъ природы не уклончивъ: въ жизнь свою не идопоклонничалъ — никогда, сложа лапочки крестомъ, не плясалъ на заднихъ лапкахъ и не вымаливалъ себѣ мило-

1843 г. сти отъ какого-нибудь Филина въ павлиньихъ перьяхъ. Дяденька вашъ всегда шелъ грудью, отъ которой впрочемъ не рѣдко сторонились и превосходительные. Если вы сколько-нибудь удѣляете времени на политическія новости, вѣрно знаете, что у насъ смѣняютъ генерала. Къ намъ назначили генераль-лейтенанта Добрышина—изъ бурбоновъ. Соколъ! Гусь лапчатый! приплыветъ-ли что къ нашему берегу хорошенькое:—либо пень, либо колода. Не знаю, какъ мы съ нимъ сойдемся—а онъ терпѣть не можетъ, кто мало-мальски похожъ на человѣка. У насъ ужъ съ нимъ была война—мы съ нимъ, къ несчастію, служили. Быть можетъ, это ускорить, поторопить мою рѣшительность разстаться съ военною службой, а то меня съ ней не растащишь. Надобно сильныя, очень сильныя мѣры. Если мы рѣшались оставить бивуачный постъ свой—такъ это именно превозмогла любовь къ родинѣ, любовь къ роднымъ, и небольшая скука переѣздовъ, а главное: нерасположеніе Катерины Степановны къ походной службѣ. Она предполагаетъ, кажется, что и на мѣстѣ мы будемъ съ тѣми-же средствами къ жизни, какъ здѣсь. Нѣтъ ожжешься — не правда-ли? Миѣ самому хотѣлось-бы чрезвычайно повидаться съ родными; но только повидаться, погостить у нихъ—не болѣе; или бы гдѣ поближе къ нимъ занять мѣсто службы. Кажется, я далеко зашелъ, не остановиться-ли? Adieu mon cher—зовутъ обѣдать; послѣ обѣда надо, разумѣется, вздремнуть, какъ слѣдуетъ благовоспитанному человѣку,—потомъ прочесть что-нибудь для развлеченія, а тамъ, если ничто не помѣшаетъ, докончимъ посланіе, а если...., то до завтра, не барщина!

Іюля 2-го. Ну, нынѣ почта, надобно во что ни стало докончить. Вчера пролынялъ. Но, съ чего-же теперь начать? По порядку, надлежало бы сказать что-нибудь о себѣ—но послѣ писемъ любезной сестрицѣ Надеждѣ Степановнѣ, къ покойному Василю Васильевичу, и послѣдняго огромнаго письма отцу Павлу, я не знаю, что прибавить вамъ. Думаю вамъ извѣстны мои странствованія отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, стоянка въ Бессарабіи, кочевье въ Хохландіи, въ забраномъ краю и оттуда путешествіе по Евксинскому бурному понту къ древнему Ахтіару. Про старые дрожжи не толкуютъ 10 разъ. Бачили всенька (всего). Кохалися съ

поляками, лаялися и съ хохлами, держали рахунки и съ жидами. Не помню, что писалъ я въ прошедшемъ письмѣ сестрицѣ Надеждѣ Стенановнѣ. Таганрогъ сначала былъ намъ больно не въ голосъ; но теперь привыкли, помирились. Раззоряетъ онъ насъ крѣпко, правда, мы платимъ по 40 копѣекъ фунтъ телятины, по рублю и слишкомъ боченокъ воды: но, присмотрѣвшись теперь и горя мало, какъ будто такъ должно. Расходы эти здѣсь, благодаря Бога, вознаграждаются. Съ 1-го января настоящаго года я получилъ уже тысячи полторы, и даже слишкомъ доходу. Можно примириться? На послѣднихъ дняхъ великъ поста у воротъ моей (богатой, наемной) квартиры много толпилось экипажей постороннихъ, такъ что многимъ должны были и отказывать за недосугомъ.

Но дѣти—дѣти—вотъ что сильно занимаетъ меня. Не даромъ я нѣсколько разъ перечитывалъ ваше отдѣленіе на этотъ предметъ. Дѣйствительно, горько будетъ и намъ и имъ разлучиться на такое огромное разстояніе; но что-же прикажете дѣлать мнѣ въ моихъ обстоятельствахъ? одному изъ нихъ уже 9-ть лѣтъ. Разстаться для нихъ съ службою, какъ я уже и посыкался? но съ службою мы, какъ душа съ тѣломъ—вѣчно въ разладѣ, а разлучиться не хочется. Ума не приложу въ своей головушкѣ. Отдать ихъ въ какое-нибудь духовное училище?—но близко нигдѣ нѣтъ. Кромѣ того, какъ отдать ихъ на чужія руки и бросить въ эту бездну безъ всякаго призрѣнія и руководства? Они не умѣютъ хлѣба отрѣзать. Если-бъ это было не въ Таганрогѣ,—гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ, я нанялъ бы для нихъ учителя и дѣло съ концемъ;—но здѣсь дѣло десятаго рода.

Вы страшаете меня дороговизною. Не знаю, великъ ли итогъ выходить по вашему счету, но я бы рублей 300 въ годъ на 1-й разъ могъ платить безъ отговорокъ. Плате—мое. Разумѣется, кромѣ домашняго занятія они ходили-бы въ классъ, привыкали-бы къ конвикту и порядку. Особенно мнѣ хотѣлось поскорѣе бы устроить старшаго; младшій еще не уйдетъ—при томъ же онъ бѣдный такъ все слабъ, мать не разлучится съ нимъ; за одного я дамъ больше половины назначеннаго за обоихъ. Онъ уже хорошо при томъ пишетъ и по латынѣ, знаетъ русскія склоненія, имя существительное—прилагательное, первыхъ 4-е дѣйствія ариѳ-

1843 г. метики. Вынѣшній годъ, еслибъ не было у насъ маленькаго, я непременно самъ явился-бы предъ ваши свѣтлыя очи; но теперь едва-ли случится и на слѣдующій годъ. Маленькій что-то хирѣеть бѣдный: развѣ рѣшусь совсѣмъ оставить армейщину? о дѣти, дѣти!...

Не знаю описываль-ли я пресловутый Таганрогъ въ прошедшемъ письмѣ—не помню. Если нѣтъ, и если интересуетесь сколько-нибудь знать это полугреческое, полуиталианское скопище мошенниковъ, грекосовъ, пендосовъ и разной сволочи; я постараюсь доставить подробное свѣдѣніе о всѣхъ рѣдкостяхъ и добрыхъ и худыхъ.

Таганрогъ беззаконіями своими какъ бы не накликалъ участи Содома и Гоморры. Представьте, съ послѣднихъ чиселъ мая до настоящаго дня, каждый Божій день, дождь ведромъ—громъ и молнія. Во весь іюнь не было 3-хъ дней ясныхъ. Хлѣбъ выросъ въ косую сажень и весь полегъ, повалился и гниеть. Не въ пору я пустился развѣзжать на дрожкахъ, лучше-бы, вѣрно, ходить нѣшкомъ. Ждемъ дороговизны пес plus ultra. Хорошая погода въ Таганрогѣ, вѣрно, такъ-же рѣдка, какъ рѣдокъ хорошій, умный профессоръ въ семинаріи.

Съ любовію къ вамъ Василій Вознесенскій“.

24-го августа писалъ мнѣ въ отвѣтъ на мое письмо отъ 8-го мая Абакумовскій священникъ М. Д. Граменицкій.

„Жалко, что на ваше торжественное воззваніе: *Христосъ воскресъ!* не успѣлъ я въ свое время послать вамъ утѣшительное для сердца христіанскаго отвѣтствіе: *воистину воскресъ!* Итакъ воистину воскресшій, вознесшійся и низпославшій намъ Божественнаго Утѣшителя Духа, Спаситель міра да соблюдетъ васъ въ здравіи и благополучіи!

Сверхъ всякаго ожиданія, къ моему невыразимому удовольствію получилъ я 15-го мая наипрїятнѣйшее, отправленное отъ васъ 8-го мая, письмо ваше. Не знаю, въ какихъ словахъ выразить вамъ мою чувствительную благодарность за ваше заботливое дружеское о всемъ увѣдомленіе;—кольми паче за искреннюю предосторожность касательно манускриптныхъ переводовъ св. писанія? Точно, у меня и доселѣ существуютъ нѣкоторыя книги Св. Писанія въ манускриптѣ на русскомъ языкѣ; по вашему дружескому совѣту я постараюсь держать ихъ, какъ можно, се-

кретнѣе; а при первомъ требованіи вручу въ руки правительства, — пусть повѣряетъ наши противъ правописанія неисправленныя ошибки;—и я, подобно вамъ, ихъ перечитывать всѣхъ не успѣлъ: впрочемъ постараюсь прочесть... 1843 г.

Поздравляю васъ, милый другъ, съ новорожденнымъ чадомъ,—и отъ души желаю, чтобы оно, возрастая, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и, укрѣпляясь въ силахъ душевныхъ и тѣлесныхъ, служило для васъ пріятною забавою и увеселеніемъ!

Желалось бы съ вами повидѣться лично когда-нибудь, хоть во Владимірѣ. Я его посѣщаю частенько, а вы, кажется, не очень. А поэтому и трудно выждать случая къ сему свиданію. А сколько бы съ обѣихъ сторонъ, я думаю, нашлось у насъ новаго-такого, чего, конечно, нельзя всего въ подробности изъяснить письменно.

Вы, другъ, какъ изъ вашего письма видно, окружены и теперь благородными, съ доброю душою друзьями, вы сами называете свое общество прекраснымъ. А я напротивъ своимъ обществомъ скучаю; въ моихъ товарищахъ нельзя найти вѣрнаго друга, каковъ Иванъ Михайловичъ; нѣтъ и тѣни того вѣрнаго чистосердечнаго расположенія, какое взаимно находили мы между истинными друзьями въ семинаріи. Одинъ товарищъ мой, предавшись на услуги позорному Бахусу, поступаетъ такъ странно, что и крестьяне не смѣютъ съ нимъ заводить знакомства; другой—молодой, льстивъ, какъ лисица, постоянно съ коварствомъ въ сердцѣ и съ злобными замыслами въ душѣ; поэтому и удовольствія мои ограничиваются только семействомъ и чтеніемъ, въ свободное время книгъ, которыхъ отъ господъ, къ моему счастью, получать можно сколько угодно. Правда, и мнѣ можно вести и веду короткое знакомство съ живущими въ приходѣ нашемъ господами,—нѣкоторыми даже со мною духовно породнившимися; но во первыхъ, всѣ они живутъ въ деревняхъ—значитъ всегда ихъ видѣть нельзя; во вторыхъ, они дворяне, съ ними можно имѣть знакомство чрезъ чуръ благородное, постоянно надобно имѣть ловкость, во всемъ оборотливость; вообще, они друзья и знакомцы—но политикѣ, хотя и добросердечны и ко мнѣ расположенны; но, сами знаете, другъ, что мы воспитываясь въ неподдѣльныхъ правилахъ нравственности, при-

1843 г. выкли въ семинаріи находить друзей больше по сердцу, нежели по политикѣ, а какъ ихъ въ своемъ обществѣ не нахожу, значить я душою въ людствѣ сирѣ. Вы не повѣрите, что я по 20 разъ на день вспоминаю наше житье съ вами въ казенномъ домѣ, воспоминаю отъ того, что здѣсь сельская жизнь искадила, можетъ быть, моихъ такихъ же семинаровъ—товарищей. Но нѣтъ, не отъ сельской жизни они не могутъ быть добрыми друзьями, но отъ недружелюбной настроенности по природѣ. Не подумайте, чтобы мы наружно оказывали взаимное неудовольствіе; нѣтъ, мы всё на словахъ друзья ласковые—политичные, но дѣла, дѣла совсѣмъ противныя виѣшнему обращенію.

Желая и моля вамъ отъ Господа всѣхъ благъ душевныхъ и тѣлесныхъ съ чувствительнѣйшею благодарностію за ваше подробное, откровенное,—истинно дружеское о всемъ увѣдомленіе, остаюсь чистосердечно любящій васъ“...

8-го сентября писалъ и мнѣ изъ Таганрога, въ отвѣтъ на мое письмо, дядя (по женѣ) священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ Василій Никитичъ Вознесенскій:

„Любезный нашъ Иванъ Михайловичъ!

Слава Богу, Муромъ исправляется въ поведеніи! Новые побѣги проламываютъ по немножку печать закоренѣлаго безмолвія; очищаютъ мой добрый, ласковый Муромъ отъ множества нареканій, которымъ клеймили его всѣ любители писанія. Спасибо вамъ, любезный, сто разъ спасибо. Письмо—праздникъ для насъ. Вы, конечно, не дадите полной цѣны и вѣсу этому удовольствію: голосъ съ родины вполне оцѣнить только тотъ, кто переѣзжалъ рубежъ Россіи, кто долго скитался за границею среди народовъ чуждыхъ, кто въ продолженіи 11 лѣтъ не приближался ближе полуторы тысячи верстъ къ родному пепелищу, кто сильно любитъ родныхъ своихъ. Еще разъ—спасибо.

Вмѣстѣ съ вашимъ—ко мнѣ прилетѣли курьеры отъ всѣхъ четырехъ странъ, отъ всѣхъ четырехъ угловъ широкой Россіи. Изъ Грузіи — отъ доктора Озерова; изъ Бѣлостока—доктора Цвѣткова, изъ Севастополя — отъ бывшаго казначея полка, нынѣ дивизіоннаго адъютанта шт.-капитана Эсадзе—родомъ черкеса, — приѣзжавшаго одинъ

разъ за 800 верстъ, только на недѣлку: погостить ко мнѣ 1843 изъ Муромъ—отъ васъ. Но всѣ эти, любезные посланники 4-хъ вѣтровъ, явились ко мнѣ какъ утѣшители въ самое скорбное время, можно сказать, въ самое несчастное для меня. Поганый ревматизмъ и сильнѣйшая боль челюстей и зубовъ, уложили меня крѣпко на крѣпко въ постель, не даютъ головы приподнять. Эта боль мучить меня болѣе 6-ти недѣль и не только не уменьшается, но все болѣе и болѣе растеть, не смотря на глупыя припарки велемудрыхъ эскулаповъ. Стало быть, —но стало быть слѣдствія очевидны! Не ожидайте отъ меня, любезный Ив. Михайловичъ, огромнаго письма, могущаго способствовать пищеваренію, не ищите и того что бы могло вынудить улыбку на устахъ, до чего такъ жадно человѣчество; болѣзнь скрутитъ хоть какую руку, сожметъ по своему хоть какое воображеніе. Я и такъ уже почувствовался до совершенной хандры, не могу нынѣ участвовать ни въ общемъ удовольствіи, ни содѣйствовать къ возбужденію веселости, говорю съ какимъ-то непріятнымъ принужденіемъ, а теперь почти не узнаю и самъ себя: облысѣлъ, какъ большая проталина на пригрѣвинѣ, а посѣдѣлъ какъ столѣтній старецъ; а вчера вечеромъ здѣшній знаменитый цирюльникъ, вопреки глупому мнѣнію педанта—дантиста, и цѣлому собору безмозглыхъ врачей, лишилъ меня и еще зуба. Признаться — къ чести его—и къ пользѣ моей скулы, вышелъ изъ борьбы съ большой честію. Право, не жалко было дать ему бѣленькую. Мнѣ дергалъ и Бернгардъ, но Бернгардъ дергалъ—даромъ—все равно, что бриль изъ любви къ человѣчеству.

Мнѣ бы надлежало можетъ отложить отвѣчать, положиться на ваше снисхожденіе; но откладывать въ дальній ящикъ того, что можно, хоть съ трудомъ, сдѣлать нынѣ, то же не рассчитать и не отрада: во-первыхъ потому, что пожалуй отложишь и до 2-го пришествія; во вторыхъ, какъ бы не расшевелить самолюбія; а съ самолюбіемъ, я, страхъ боюсь возиться. Изъ самолюбія, можетъ быть, какого-нибудь оберъ-священническаго пачкуна, бумагомарателя—изъ самолюбія, дѣйствительно ужъ проклятаго на вылетъ, я цѣлые годы вижу одно невзгодье. Такъ лучше какъ-нибудь пересилиться и написать что попадетъ подъ руку и взбредеть въ заку-

1843 г. танную и больную голову. Это лучше, одно дѣло съ плечь, — плечамъ легче.

Вы рассказали, или говоря языкомъ брюзгливаго и затѣйливаго этикета, — отрекомендовали себя. Это значить все равно, какъ бы мы вмѣстѣ разсидѣли съ вами часа два-три пріятной бесѣды. Пріятно встрѣтить въ родной семьѣ такихъ людей—безъ лести; пріятно было слышать вашъ пріветный голосъ, тѣмъ болѣе, что Аннушка или по нынѣшнему Анна Васильевна и матушка—до сихъ поръ остается единственной подругой и любимицей своей тетеньки, Ек. Степановны. Охъ! ты не знаешь, братецъ, какія тамъ крылись тайны—и дружество! Бѣда!! Я думаю и нынѣ Анна Васильевна такъ же тиха, такъ же скромна—бывало отъ нея, какъ отъ судьбы не вывѣдываешь ни одной завѣтной тайны. Поцѣлуй ее лишній разъ за насъ.

Васъ судьба пустила по свѣту круглымъ сиротой, — съ сумой бѣдняка? Повѣрь, милый, я умѣю чувствовать и понять это положеніе; но съумѣлъ бы, кажется, теперь и доказать, что эта сума есть самый лучший профессоръ въ мірѣ. Его уроки ложатся прямо къ сердцу. — Его слушатели всегда тихи, скромны, переимчивы. Скажу больше: ни Локкъ, ни Дюгальдъ, ни Фихтѣ, ни Кантъ съ своею глубокомысленностію, ни Шеллингъ съ своимъ вѣчнымъ движеніемъ, ни Баконъ или Бэконъ—этотъ великій преобразователь наукъ и свѣтило своего вѣка — съ своимъ плодомъ и пользою, ни Меркъ, ни Гердеръ, которые мылили въ свое время голову и Гетэ и Шиллеру, ни Томасъ Муръ—съ своею утопией, ни Томасъ Юнгъ съ своею необъятной ученостію, ни самъ Паскаль съ Боссюэтомъ не проповѣдывали съ своихъ славныхъ кафедръ такихъ нравственныхъ уроковъ для человѣчества, какъ сума сироты. Это самое лучшее ручательство и для сиротъ вѣрренныхъ Провидѣніемъ вашему руководительству. Провидѣніе никогда не дѣйствуетъ безъ цѣли.

Но вы мнѣ описали себя, — какъ я себя опишу вамъ? Я не смѣю назначить мѣста, гдѣ окрылялись первыя мои надежды. Мое юношество протекло кое гдѣ—по закоулкамъ, по захолустьямъ. Съ покойнымъ отцомъ таскался я по всей Владимірской губерніи; живаль съ нимъ и въ монастыряхъ съ преподобными, объяснялъ имъ и тогда еще аналогію ихъ

„преподобія“ за что, обыкновенно, лишался дневной трапезы. Но, *de mortuis aut bene aut nil*. — Цуръ имъ, пекъ имъ! Но скитальца Владимірскаго, съ самыхъ юныхъ когтей не имѣвшаго мысли поставить себя на чреду левитовъ и бѣгавшаго, какъ чумы, длиннополаго камзола, — скитальца, сидѣвшаго уже на университетской партѣ, судьба, на смѣхъ всему свѣту, окутала въ широкой мундиръ безъ пуговицъ и пустила скитаться по цѣлому свѣту, напѣвать народную молитву подъ свистъ пуль и ядеръ. Теперь я уже сроднился, свылся съ своимъ положеніемъ, не завидую ни какому другому; теперь я уже просилъ Павла Абрамыча выслать мнѣ изъ Владиміра и шапку — ушанку, какъ единственное предохранительное средство отъ флюсовъ и ревматизмовъ; но тогда? о! тогда дѣло десятаго разряда! Впрочемъ, мысль всемірнаго гражданства и скитальчества, не знаю какъ, заползла въ мою голову; прежде я никогда не имѣлъ ея: но, рѣшившись разъ, я уже не любилъ отставать, развѣ сами обстоятельства, или правильнѣе, само Провидѣніе разрушало мои планы. Прощай, любезный, до завтра, право мочи нѣтъ. Не все вдругъ — по маленьку.

9-го сентября, вечеръ. Утромъ не удалось.

Калякать много нечего. Вы, вѣрно, знаете мою исторію изъ рассказовъ родныхъ, или изъ очерковъ, которыми иногда надѣлялъ я ихъ изъ разныхъ угловъ Россіи — этой большой избы, гдѣ не вдругъ докричишься изъ угла въ уголь. Разумѣется, тамъ много не достанетъ тѣней и подробностей. Въ отрывкахъ, — какъ въ отрывкахъ, нельзя искать полноты. Въ тѣсныхъ рамкахъ письма нельзя втиснуть всего, нельзя оттушевать всѣхъ обстоятельствъ бивуачной жизни или быта.

Гиббонъ — царь историковъ, эта Эзопская карриатура и уродъ по наружности и волшебникъ за перомъ — 30-ть лѣтъ писалъ свое „Паденіе и разрушеніе Римской имперіи“ — кромѣ приготовленій и критическаго разбора всѣхъ фактовъ; — цѣлую жизнь посвятилъ и вылился почти весь для сооруженія себѣ хотя безобразнаго, но безсмертнаго памятника въ потомствѣ. Мои войяжи стобятъ паденія Римской имперіи — куда-же намъ соваться со своимъ носомъ описывать ихъ судя или бродя за барабаномъ. Вы знаете, или слышали, можетъ быть, походъ мой отъ береговъ Оки до береговъ Дуная, странствованіе въ Валахию, Молдавію, ко-

1843 г. чевье въ Трансильваніи, Бессарабіи, у коханныхъ полекъ, поганныхъ хохловъ и у запачканныхъ крымскихъ татаръ. Канва обширна — предоставьте собственному воображенію рисовать какіе угодно узоры, — они, вѣрно, придуть подъ тѣнь картинѣ. Включите тутъ пожалуй и буруны, и море, и скалы, и горы и проч. и проч. Теперь судьба пихнула пожить съ греками — народомъ самымъ коварнымъ и лукавымъ. Жизнь моя, впрочемъ, всегда или по большей части кроилась по послѣдней категоріи Канта. Имѣли мы свой приливъ и ведра, и ненастья, и радости, и горя — все смѣнялось своею чередой — какъ и все въ природѣ. Служба наша, подъ знаменами брани, весьма необременительна. Я встрѣчалъ товарищей по званію — (товарищей умныхъ, ловкихъ, образованныхъ, къ которымъ нашъ братъ и къ плечу не подойдетъ), которые сознавались, что у нихъ не болѣе 3-хъ разъ въ году званивали, — и это не шутка. Пршлую зиму я служилъ въ здѣшнемъ монастырѣ, большею частію по гречески — и такъ вызубрилъ греческую литургію, что меня рѣдкіе отличали отъ природнаго грека.

Что еще напишу я вамъ? да! ты, любезный, пастырь полутора дворовъ, а я пастырь многочисленнѣйшаго стада, по почти безъ паствы. Головъ тысячъ до четырехъ настоящихъ, коренныхъ и столько же прикомандированныхъ — пригонныхъ должны бы ходить въ слѣдъ моего гласа: но, къ лучшему, стадо мое пасется на пажити чуждей, и бродитъ во слѣдъ инаго гласа. Въ стадѣ моемъ множество бродячихъ окороковъ, поросятъ, ословъ, верблюдовъ и одногорбыхъ и двугорбыхъ, — и ни одной почти овечки. Обѣзжаю я его разъ въ году, а то и въ глаза не вижу. Судя по многочисленности, казалось бы, пастуху — раздолье! — Хоть по клочку съ носа, пастуху — кафтанъ; — не тутъ-то было! Большею частію козлы, а отъ козловъ какая шерсть и молоко? Отъ бодливыхъ и дикихъ достается еще иногда на орѣхи и самимъ пастырямъ. Надобно имѣть большую спаровку, большой и длинный кнутъ, злыхъ собакъ, чтобы унасти такое сборное стадо. Власть пастыря здѣсь, впрочемъ, сораздѣлена съ властію самихъ свиней изъ породы крупныхъ и вислоухихъ, и подобно древнему стану Израильскому — стадо наше управляется больше рукою Моисеевою, нежели Аароновою.

Но, оставя аллегорическую пошлость, скажу откровенно 1844 г. что прихожане мои ни какъ не похожи на вашихъ. Въ первомъ стадѣ моемъ, въ полку все было—жизнь—копѣйка; голова—нажитое дѣло! Сто лѣтъ жизни—на шестерку—куда не шло! Весело съ такими и смѣтливому настырю. За то во второмъ—резервахъ—что-то вялое, паршивое, хилое, тупоумное, безпорядистое, словомъ—поганое. Впрочемъ, и тамъ и здѣсь не мудрено встрѣтить эпиграмму и безтолковый фанаберизмъ. Чгобъ казаться умнымъ,—всѣ охотно спорять свысока,—разумѣтся, безъ всякаго толку и здраваго смысла, безъ всякаго понятія о дѣлѣ. Впрочемъ, это еще избранные баловни судьбы; большая часть не умѣетъ связать двухъ мыслей и начертить трехъ словъ правильно. Впрочемъ, никто не откажется похвастать жалкими побѣдами надъ обломками нѣсколькихъ разбитыхъ добродѣтелей въ чепчикахъ. Всѣ безъ изыатія почти безъ всякой вѣры до благословенныхъ сѣдинъ остаются тѣми-же молко-развратными юношами, и часто прямо съ плаца, гусинымъ иль бѣглымъ шагомъ сходятъ въ могилу. Понятія мѣняются и изнашиваются въ нихъ, какъ старая набойка. Прежде времени обветшалые и изношенные, подъ конецъ они очень походятъ на орангъ-утанговъ, чисто выбритыхъ и причесанныхъ а la pigeon.

Вотъ кажется и все;—конецъ;—слава Богу. Не забывай, пожалуйста, любезный Ив. Михайловичъ, навѣщать васъ. Первый шагъ сдѣланъ—слѣдов. трудности кончились. Пишите про все, намъ хотѣлось-бы знать все до подноготной, даже какъ свѣтитъ у васъ солнце, какъ текутъ струи Оки: отечества и дымъ пріятенъ. Желаемъ вамъ почаще пировать крестины—рожденія.

Прощай мой милый. Любящій тебя Василій Вознесенскій, священникъ Кавказскаго, Грузинскаго и Черноморскаго резервныхъ баталіоновъ“.

12-го марта слѣдующаго 1844 года онъ же писалъ мнѣ: „Хотѣлъ было поро починить—да не удалось; такъ и быть! мнѣ ничего въ жизни не удается. Будемъ какъ-нибудь валить черезъ пень и колоду, а гдѣ и маленькой рысцей.“

Нѣтъ, любезный, не въ томъ сила, чтобы громоздить себя на ходули словесности, не въ томъ штука, чтобы вытягивать за ушки бѣдныя слова въ превосходную степень:

1844 г. письмо — дружеская бесѣда: а на праздникѣ дружества — откровенность должна быть далека отъ всѣхъ условій вычурности. По моему всякое уклоненіе на сторону словесности, всякая кудреватость, предполагая усиліе набирать слова, указываетъ на внутреннее чувство нужды, — искать виѣ того, чего нѣтъ внутри, а это уже по самой очевидности есть лишеніе истиннаго, сердечнаго расположенія. Силлогизмъ вѣрнѣйшій! Я боюсь этой логики: и потому всегда пишу, что взбредеть на умъ и попадаетъ подъ руку, и люблю кто откровенничаетъ со мной безъ всякихъ финтифлюшекъ. Ваша простота пріятнѣе для меня всѣхъ философскихъ системъ въ мірѣ. Говорятъ, нѣтъ ничего легче въ художествѣ, какъ вычурность, ничего мудренѣе, какъ простота, ничего искусственнѣе, какъ строгая естественность. Сказываютъ также, что искусство на то и дано человѣку, чтобы онъ умѣлъ быть естественнымъ, какъ сама природа, вѣчный образецъ прекраснаго. Еще доложу пожалуй, что самую словесность нынѣ, или лучше риторику — изъ дворянъ, за недостаткомъ доказательствъ, разжаловали въ рядовые, — изъ науки — въ пошлую компиляцію: говорятъ, всѣ ея тропы и фигуры — бредни, всѣ хрип — галиматья! и правда! Монологъ этотъ набросалъ я, любезный, для того, чтобы вы не жаловались на недостатокъ „изобрѣтательности“ и не завидовали моему искусству, какъ вы говорите „въ епистолярной гастрономіи“. Оставимъ же, любезный, всю напыщенность — германской философіи, всю темноту — судейской совѣсти, всѣ кудреватые крючки — замашкамъ секретарей и новытчиковъ. Будемъ бесѣдовать, какъ Богъ послалъ; только пожалуйста почаще. Вотъ съ моей стороны одно и единственное условіе.

Вы подарили меня праздникомъ — дѣйствительно. Спасибо вамъ. Полученіе почты — особенно писемъ — пирушка для меня. Я всегда жду ихъ съ нетерпѣніемъ и перечитываю съ жадностію по нѣсколько разъ. Жаль только, что вы, при всемъ обиліи фактовъ, немножко сухи и чрезъ чуръ скромны въ повѣствованіи. Мнѣ бы хотѣлось знать всю подготовную Муромскую — даже какъ всходитъ у васъ солнце, по старому-ль катитъ струи свои Ока. Вотъ какъ занято Муромомъ мое воображеніе. Мнѣ мало знать, что у васъ была масляница — но какъ она прошла у васъ — какъ вы

проели ее?... Васъ — семья большая! Родныхъ цѣлая команда! ведется-ли между вами, какъ въ старину бывало — бостончикъ; въ какихъ отношеніяхъ всѣ вы между собою, по какой особенно категоріи кроится жизнь каждаго изъ васъ, горить-ли между вами та любовь и согласіе, которыя такъ крѣпко связываютъ сердца и души! Вотъ чего жаждетъ душа моя — откровенности ищу я. Я самъ, когда здоровъ, люблю съ друзьями и порѣзвиться и пошутить; выворачиваю на изнанку всю душу и сердце, никогда не взнуздаваю своей откровенности.

А писать? — Самое лучшее — по временамъ. Нынѣ это принято почти всѣми закадычными писаками. Не стѣсняясь обстоятельствами, не стѣсняешь и своей свободы, и не спѣшишь, какъ угорѣлый сломя голову и перо къ срочной почтѣ. Отъ этого выигрываютъ и тотъ и другой. Одинъ выигрываетъ уже тѣмъ, что пишетъ, когда хочетъ, а другой навѣрно больше получаетъ, нежели обыкновенно. Я получивалъ письма, писанныя по 16-ти дней къ ряду. Вѣдь, это цѣлый журналъ! Но вотъ ужъ и я, любезный, ослабѣлъ; постойте, дайте отдохнуть и съ силами собраться. Вѣдь я еще какъ дитя, едва сѣва сажу на постелѣ, и то въ подушкахъ, никакъ не могу пригнать больной груди своей къ столу. Посмотрѣли бы вы, какъ я ухитрился и чего не нагрозилъ, чтобы писать сидя на постелѣ не сгибая своего положенія? На выдумки натура таровата! Жена и такъ бранится — лаетъ, какъ говорятъ хохлы, что я такъ изнуряю и неволю себя, — но вѣдь я иѣсмь чловѣкъ, яко-же прочіи лицемѣры и проч. и проч. Да, вонъ скидаютъ на крыльцѣ шинели и калоши, какихъ — то двое, одинъ, кажется, маіоръ въ жирныхъ эполетахъ, — а другой — не знаю. Они идутъ, повидимому, больнаго посѣтить, а по настоящему смыслу, выпить водки и подѣбсть. Я ихъ натуру знаю. О tempora, о mores! о resona, boves!...

З часа послѣ обѣда. Вотъ я опять къ вашимъ услугамъ: опять угрозилъ. Будемъ продолжать доколѣ достанетъ силъ и терпѣнія. Жена теперь не видитъ — она на своей половинѣ и, вѣрно, отдохаетъ.

Первая часть вашего посланія прекрасна. Она очень обрадовала насъ. Ради Бога нельзя-ли почаще этакъ воспроизводить въ матушки и изъ дѣвицъ робить молодницъ.

1844 г. Это самый поэтический эпизодъ во всемъ жизненномъ мѣрѣ. Господи, Боже мой! какъ не увѣриться, какъ не убѣдиться, что надъ сиротами видимо печется самъ Промыслъ. Отнимая отъ бѣдныхъ отца земнаго, — онъ даетъ имъ небснаго, который лучше и вѣрнѣе всѣхъ отцовъ въ мѣрѣ знаетъ какъ устроить участь дѣтей своихъ. Какъ не благодарить и Парѣнія, пзбравшаго благую цѣль въ своемъ управленіи, хоть эта благая цѣль очень частенько сидѣла на шеѣ нашей брата, была въ тягость, но это по недоразумѣнію и легкомыслію. (Эта благая цѣль была также въ числѣ не маловажныхъ причинъ, почему я съ знаменемъ Царя небснаго, рѣшился стать подъ знамена Царя земнаго). Не даромъ же Провидѣніе надѣлило его именемъ „Парѣній—*Παρθένος*—дѣвственникъ. Отъ всей души желаемъ счастья новобрачнымъ и привѣтствуемъ новаго гостя въ кругѣ родственной семьи. Мнѣ что-то фамилія „Силецкій“ такъ... что то... кажется и знакомою и не знакомою ¹⁾). Впрочемъ, всѣхъ нельзя знать. Стало-быть вашего полку теперь и прибыло и убыло.

Очень радъ, что духовный ареопагъ вашъ въ Полотебновѣ пріобрѣлъ мужа могущаго поддержать и судъ и правду; только нечего ему, кажется, будетъ развѣшивать. Постъ этотъ такъ малъ, такъ ничтоженъ, что кромѣ несчастной подписи на метрическихъ книгахъ не составляетъ никакой особенности въ общемъ судопроизводствѣ. Нашли-же награждать чѣмъ? Исторія Полотебнова извѣстна мнѣ изъ разсказовъ Рязанцевъ-земляковъ его. Онъ долженъ быть славный человѣкъ, потому что учился у самаго перваго учителя въ мѣрѣ— у нужды, и полировался въ самой лучшей школѣ— терпѣніи... Но прощай, любезный, до завтра. Въ глазахъ потемнѣло, а на дворѣ скоро съсумрачится. Если ночь, — Богъ дастъ, засну—разскажу, что привидится.

13-го все утро просидѣли дѣти эскулапа. По обыкovenію выпили съ полграфина водки, съѣли двѣ тарелки маренату и ушли. Этимъ кончаются большею частію всѣ наши визитаціи, а болѣзнь остается своимъ порядкомъ. О меди-

¹⁾ Яковъ Андреевичъ Силецкій, священникъ, послѣ протоіерей въ Муромѣ, второй зять Н. С. Царевской, женатый на дочери ея Александрѣ Васильевнѣ, слѣдовательно своякъ преосвящ. Саввы.

цина, медицина! какъ ничтожны всѣ твои начала и системы! 1811 г.
Аллопаты, изопаты, гомеопаты, Броунисты, послѣдователи Бишо, Бруссайсты, Гипократисты! Всѣ ваши системы гадательны, всѣ вы обременены тяжкими грѣхами противъ здраваго разсудка; всѣ состоите подъ уголовнымъ судомъ за свои мечтательныя начала, за произвольность своихъ частныхъ выводовъ, за ложность своихъ общихъ заключеній, за невѣрность наблюдений, и за безконечныя противорѣчія самимъ себѣ. Не даромъ Мажанди и Томасъ-Юнгъ—два великія свѣтила въ медицинскомъ мірѣ, низводятъ медицину изъ науки въ званіе эмпирическаго ремесла. И правда! Впрочемъ, какъ бы то ни было, а день пропалъ и для меня и для васъ. Что Богъ дастъ завтра.

14. Завтра почта: слѣдовательно надобно поторопиться. За себя мнѣ ручаться никакъ нельзя: я часъ сижу, а три часа валяюсь.

Что вы такъ боитесь за свою проповѣдь, за это свое любезное дѣтище? Кто беретъ на себя неслыханную дерзость, какъ Иродъ блядивый, критиковать новорожденное слово Божіе? Быть можетъ у васъ и до сихъ поръ придерживаются еще несчастной мѣрки классическихъ приступовъ, въ которыхъ ни къ чему не приступаютъ, — доводовъ, которыми ни къ чему не доводятъ, — и заключеній, которыя ничего не заключаютъ; смѣшно, право, размѣривать мысль свою по данному аршину, выливать ее, какъ чугуны, въ чужую форму. Водился грѣхъ этотъ и за нами, нечего сказать, но я ужъ лѣтъ 10 совершенно освободился отъ классическихъ затѣй. Быть можетъ я бы теперь и не годился между вами, почивающими на кодексахъ риторикъ и теологій. Я пишу всегда, что вздумается. Двѣ мои рѣчи, напечатанныя гдѣ-то въ Инвалидахъ, изъ коихъ одна въ 1834-мъ году на день Александра Невскаго и воздвигнутія памятника Александру Благословенному, говоренная въ чистомъ полѣ—на курганѣ, подъ навѣсомъ знаменъ, была никакъ не больше четвертинки. Да и никогда я не писывалъ больше 3-хъ страничекъ или поллисточка; за то съ какимъ восторгомъ расхватывали и переписывали эти поллисточки мои военные, особенно когда я былъ въ полку и помоложе. Вообще полезнѣе, говоритъ Паскаль, пробуждать въ людяхъ любовь къ христ. церкви, чѣмъ доказывать ей истину

1844 г. доводами, которыхъ силу и вѣсь постигаютъ не всѣ. Истинны священныя не должно подчинять искусству убѣжденія, онѣ безконечно выше природы; одинъ Богъ можетъ вложить ихъ въ душу, и тѣмъ способомъ, какой Ему благоугоденъ. Впрочемъ, долгъ пастырей—сѣять,—прозращать есть дѣло Божіе. Хорошій хозяинъ знаетъ, какъ сѣять, знаяши землю свою и время. Но вотъ и поллисточикъ или, бишь, листочикъ весь; прощай дружочикъ, сизокрылый голубочикъ, мнѣ пора прилечь.

15. Вторая часть письма вашего, какъ метрическая часть объ умершихъ, навѣваетъ на душу мрачныя мысли. Господи! какъ быстро родъ человѣческой смѣняется съ часовъ своей жизненной стражи? и не примѣтишь, какъ наткнешься на могилу—эту яму, разграничивающую міръ дольний съ горнимъ. Счастливъ, кто входитъ въ нее не оглядываясь съ прискорбіемъ на прошедшее. Объ Закревскомъ и Языковѣ я не скажу ни слова. *De mortuis aut bene, aut nil.* Судь ихъ уже подписанъ. Это, кажется, были два пріятели—какъ постный сочельникъ и сытное разговенье. Первому давно уже занятая была квартира на томъ мѣстѣ — свѣтѣ. Если онъ былъ вѣрный послѣдователь ученія Волтера, надъ которымъ нынѣ смѣются уже мальчишки, какъ надъ подстрѣленнымъ ястребомъ, упавшимъ въ ихъ лужу для забавы, то не худо бы ему прочесть рацею, которую читалъ Дидро предъ смертью Вольтера. Языковъ, если не въ жизни, по крайней мѣрѣ по смерти могъ быть полезенъ анатомическому кабинету.

Наконецъ, пришлось сказать что-нибудь о самомъ себѣ; а больно не хотѣлось бы. Здоровье мое такъ худо, что не стоило-бы и говорить объ немъ. Да, любезный, вотъ ужъ „15-ть“ недѣль лежу, не отдѣлая головы отъ подушки: не знаю, что такое воздухъ, ходятъ ли люди по св. землѣ? Кочую безвыходно въ своемъ кабинетѣ—не большой отдѣльной комнаткѣ черезъ сѣни, куда, повидимому, переселился и самъ эскуланъ съ своими ретордами и биксами, гдѣ рѣшительно все провоняло медицинской кухней. Не смотря на этотъ смрадъ и вонь, здоровье мое ни туда, ни сюда; и Богъ знаетъ, что будетъ дальше. Надежды очень мало: она какъ метеоръ мелькаетъ только въ будущемъ. Впрочемъ все въ волѣ Господней.....

Говорятъ, и такъ измѣнился, что меня не узнаютъ мои даже самыя знакомые; глаза впали, лысина стала какъ добрый ошметокъ, хоть рожь молоти, иссохъ, посинѣлъ, щеки втянулись, ну, словомъ ничего не осталось отъ того рѣзваго и живаго, который подь часъ любилъ и порѣзвиться и пошутить: похожь сталъ больше на жильца иного міра. Куда что дѣвалось? Болѣзнь, убивши силы тѣлесныя, коснулась, кажется, и умственныхъ. Ни за что не хочется приняться; все валится изъ рукъ. Прежде я любилъ читать, но нынѣ ничто не занимаетъ. Скука, грусть, тоска какъ бы придавили или задавили мою душу. Нѣтъ мочи заняться даже и съ дѣтьми—и они, кажется, избаловались, каналы до нельзя. У матерей плохая дисциплина. Мы только все четверо, т. е. я, жена и двое дѣтей, каждый четвергъ играемъ на моей постелѣ въ фюфана, и толкуемъ безпрестанно о родинѣ: говорятъ, это не совсѣмъ добрый знакъ? Мнѣ совѣтуютъ ѣхать на воды или въ родной климатъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ я и безъ совѣтовъ хотѣлъ было побывать на родинѣ, на это много причинъ; но человекъ предполагаетъ, а располагаетъ Богъ. Не забѣгай въ будущее—Богъ знаетъ, что будетъ съ нами завтра. Эга болѣзнь, изнуривши, разстроивши тѣло, изнурить непременно и кошелекъ. Постъ я уже профукалъ—пустилъ своихъ духовнымъ овецъ по чужимъ рукамъ; слѣдовательно, мнѣ не достанется отъ нихъ ни клочка, ни поготка. А это больно не въ голосъ. Жить однимъ жалованьемъ—мое почтеніе, особенно если болѣзнь не уймется. Право, не знаю, что и будетъ, ума не приложу въ своей головушкѣ!....

Да—я не сказалъ вамъ, что за болѣзнь у меня? Въ прошедшій разъ я навралъ, и навралъ со словъ пресловутаго медика-дурня. Меня дѣйствительно долго лечили отъ скорбута, морили кислотами и ваннами; но призванный посторонній медикъ не постыдился сказать въ глаза нашему коновалу, что болѣзнь моя столько-же похожа на скорбутъ (цанга), какъ онъ самъ на индѣйскаго Далай-ламу, что у меня на скорбутъ ничего и похожега и пѣтъ и не было. Сигнали почти бѣднаго съ лица земли. Но у меня золотушная опухоль — опухоль затвердѣлая, какъ камень отъ самаго колѣна до бедра. Подобныя опухоли, особенно запущенныя, по увѣренью тѣхъ-же пасынковъ Эскулапа,

1844 г. продолжаютя будто-бы по цѣлому году. Весной хотятъ поить меня какими-то травами,—до весны отлагаютъ все леченіе. Но съ этой опухолью мы хоть немножко справились: припаривавши четыре недѣли къ ряду бѣленой, хоть немножко успѣли размягчить ее, она позволяет мнѣ нынѣ проползти и на половину Екатерины Степановны,—которая въ сію минуту распекаетъ на пропалую людей, что не достали судаковъ и окуней,—но вотъ грудь, сильный кашель, опять скулы и десны, въ которыхъ вѣрно то-же гуляетъ золотуха. Вотъ что сокрушаетъ меня и не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью!

Вотъ я, кажется, написалъ вамъ все—пора бы и отдохнуть. Да ба! Бумажки есть и на почту еще рано. Письмо это вѣрно придетъ къ вамъ на святой недѣлѣ или Ооминной: примите отъ меня братскій привѣтъ съ радостнымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Здѣсь уже многіе начинаютъ хлопотать о пасхахъ. Вы знаете, что такое пасхи польскія или хохлацкія? Послѣднія еще не такъ, но первыя чрезвычайно затѣйливы. Тамъ опредѣляютъ для того особенную комнату, а у большихъ пановъ — залъ. Въ этой комнатѣ готовится пасха, изъ всѣхъ родовъ мясъ и жаркихъ. Главную роль всегда играютъ бабы—такъ называемые куличи въ аршинъ и болѣе вышиною, круглые какъ столбъ, и убранные сахарными гирляндами. Въ эту бабу иногда идетъ до 700 и болѣе яицъ и цѣлый, ему же и кость не сокрушится—баранъ съ вызолоченными рогами;—онъ всегда стоитъ впереди и представляется на корточкахъ, кушающимъ зеленую травку. Зеленъ всю готовятъ нарочно до Пасхи. Я всегда любовался барашкомъ изъ сливочнаго масла. Это такъ мило—такъ естественно, что боишься, право, трогать его. На этомъ пасхальномъ столѣ все, отъ самой утонченной прихоти, до смиренной соли и горчицы. Поляки всю недѣлю не ѣдятъ ничего, кромѣ свяцонаго. У хохловъ—бѣднѣе. У этихъ первая принадлежность—тоже бабы, сало и поросенокъ или цѣлая свинья, у которыхъ во рту непременно хрѣнъ и проч. и проч. Но здѣшніе священники не объясняютъ даже, дурни, для чего тутъ нуженъ хрѣнъ, что такое красное яйцо,—артось, который у нихъ во всякой церкви дѣлается.

Мы тоже иногда подражаемъ туземцамъ—и я покупавалъ 1811 г. лучшую крунич. муку на пасхи по 12 р. пудъ.

Ну что еще? Описание города? Славяно-сербскъ городъ скверный, мерзкій, по поламъ съ дерьмомъ, съ гаванью. Лежить въ долинь, примыкающей къ Дону. Изобилень комарами и мошками. Безпрестанные вѣтры чуть чуть не сорвутъ хаты. Снѣгъ и дождь—дождь и снѣгъ вперемежку шпигуютъ здѣшнюю землю. Въ первыхъ числахъ марта былъ большой громъ съ молніею. Ну, кажется, все—прощай, милый, поклонись отъ насъ всѣхъ—всѣмъ Муромскимъ. Поздравь сестрицу, Прасковью Степановну, съ новымъ сыномъ, дай Богъ ей въ радость и утѣшеніе.

Любящій отъ души всѣхъ васъ армейскій свящ. Василій Вознесенскій“.

22-го мая писалъ мнѣ изъ Гориць, въ отвѣтъ на мое поздравительное письмо, о. Василій Салоровскій:

„Очень благодаренъ, что вы не забываете меня, привѣтствовали съ прошедшимъ свѣтлымъ праздникомъ Пасхи и съ наступающимъ днемъ моего Ангела. Письмо ваше, исполненное взаимнаго родственнаго и дружескаго расположенія, такъ же благоразумныхъ сужденій, новостей и разныхъ разностей мнѣ принесло премноего удовольствіе, потому наиболѣе, что я, кромѣ родныхъ и почтенныхъ друзей, почти не пишу ни къ кому, но и друзья и родные не рѣдко заставляютъ молчать, и они, по глаголу псалмопѣвца, вынѣ отдалече сташа; и неудивительно! Нынѣ, какъ пишеть одинъ ученый, насталь такой вѣкъ, вѣкъ холодный и сухой, вѣкъ егизма, вѣкъ самолюбія и мелочныхъ расчетовъ,—а мы старинныхъ завѣтовъ...

Совершенная ваша правда, что не легко въ преклонныхъ лѣтахъ при постоянной церковной службѣ ходить въ священномъ облаченіи по крестьянскимъ лачугамъ и въ каждой служить молебень изъ 20-ти копѣекъ мѣди; вѣрите-ли, что ни одинъ изъ прихожанъ не почтилъ полтиною серебра въ сей трудный походъ. Но что же дѣлать намъ? Чѣмъ добывать насущный хлѣбъ, какъ не горбомъ, да горломъ? Куда дѣваться, когда на свѣтѣ семъ не равная участь людей? Для насъ и того довольно, что мы еще члены общественнаго тѣла и отчасти уды тѣла Христова;—не всѣмъ же старцамъ въ игуменахъ быть; а слѣдовательно

1844 г. и тотъ блаженъ, кто малымъ владѣть и *quis parvo est contentus*. На все должна быть привычка, кажется, и на самую нѣгу или сибаритство. Умѣренный трудъ приноситъ здравіе, освѣжаетъ тѣлесныя силы, какъ и текущая вода; напротивъ, изнѣженность не только раждаетъ слабость и другіе тѣлесныя недуги, но охудается и Божественнымъ ученіемъ. Отъ того, вѣрно, первые проповѣдники слова Божія и вѣры Христовой не хотѣли имѣть ни экипажей пышныхъ, ни добрыхъ и рѣзвыхъ коней, а путешествовали, и не въ одномъ небольшомъ городкѣ, а во всей вселенной, и безъ саноговъ и безъ жезловъ, подобно намъ селянамъ — лапотникамъ.

Вы пишете, будто-бы я совѣтовалъ вамъ оставить соборное мѣсто и перейти на мѣсто о. Давида; — напрасно, у меня этой мысли и на умѣ не было, — вы не поняли словъ моихъ. Я вамъ совѣтовалъ просить не о перемѣнѣ своей, а о исходатайствованіи мѣста отца Давида Александрѣ Васильевнѣ, доброзрачной и благонравной свояченицѣ вашей. Получивъ письмо ваше, я и возрадовался радостію, искреннею, непритворною радостію, что желаніе исполнилось. Слава премудрому Богу, устрояющему все во благое! Слава и доброму пастырю, пекущемуся о сирыхъ! Новый вашъ родственникъ, особенно вамъ извѣстный, или можно сказать сотоварищъ, васъ будетъ улаждать во всякое время и во всякихъ обстоятельствахъ, раздѣлять и радостныя бесѣды и скучныя минуты. Провидѣніе Божественное васъ поставило на свѣщницѣ; вы всемѣрно старайтесь разливать свѣтъ свой предъ человѣки, берегитесь, что бы не затмевали васъ какія-либо мрачныя облака пагубныхъ пороковъ. Чѣмъ око смертныхъ можетъ проникнуть непроницаемую завѣсу будущаго? Можетъ быть вы со временемъ... но вотъ и я, подобно вамъ, далеко уклонился отъ настоящихъ предметовъ.

Вы пишете, что по мірскому обычаю сочинили именинную пирушку и хотя много было званыхъ, но къ досадѣ вашей оказалось мало избранныхъ; и какъ не досадовать, когда вы на припасы истощили всѣ запасы, всѣ лепты, собранныя на св. Пасхѣ! Таковою неудачею и отказомъ огорчился самъ Творецъ, такъ что во гнѣвѣ своемъ послалъ на исходища путей собирать и калѣкъ и слѣпыхъ,

даже и злыхъ, всѣхъ—кто только тамъ находился. Подобно 1814 г
вамъ и я приуготовилъ именинную пирушку, но со мною случилось противное. Ко мнѣ собрались не только званые и избранные, но обрѣтающіеся на халугахъ раскола и недоброжелатели,—домъ мой наполнялся во весь тотъ день всякаго рода и званія народомъ.

Относительно вашихъ занятій скажу, что оныя весьма похвальны, питаютъ душу и сердце какою-то усладительною манною, но перѣдко расслабляютъ тѣло и притуляютъ скоро зрѣніе. Перевѣсь во всемъ вреденъ — *medium est optimum*. Для сего иногда полезна разсѣянность или прогулка съ милымъ сердцу, дружеская увеселительная бесѣда; въ городѣ много и другихъ невинныхъ и пріятныхъ развлеченій,—горе намъ старикамъ-бѣднякамъ...

Побесѣдуемъ въ кратцѣ о нашемъ житьѣ; мы доколѣ живы и сыты, а впредь уповаемъ на власть и благость Божию. Хлѣбецъ не такъ-то дорогъ, гораздо дешевле дровъ и работницъ. Лѣса вывели фабриканты богатые, а работницы не нанимаются потому же, что хлѣбъ не дорогъ и на фабрикахъ идутъ дѣла хорошо. Г. Митьковъ овдовѣлъ, по затѣй своихъ не оставляетъ; крестьянъ пригоняетъ въ Шую накі... Пописать хочется еще, но тороплюсь ѣхать въ Шую и боюсь опоздать. Надѣясь на вашу благосклонность и ласкаясь получить отвѣтъ на письмо сіе, съ искреннею любовію остаюсь“ и проч..

При этомъ письмѣ приложены были слѣдующіе стихи на пріѣздъ въ Горицы помѣщика этого села, маіора Митькова:

„Итакъ ты здѣсь!... Здѣсь гость превожделѣнный!
Когда лилась ручьями Россовъ кровь,
За пламенну къ отечеству любовь,
Самимъ царемъ превознесенный!

Оставилъ ты первопрестольный градъ,
Гдѣ дивныхъ множество палатъ,
Веселостей—различныхъ наслажденій....
И какъ небесный, кроткій геній
Пришелъ съ возлюбленной четой
Въ смиренну весь и въ домъ простой.

Приходь весны для каждаго пріятень
И сколь полезень, благодатень...

1844 г.

Простремъ-ли взоръ къ лазурнымъ небесамъ?
 Лазурь чистѣй, -яснѣй и солнце свѣтитъ намъ;
 На землю-ли? на ней вездѣ и все плѣняетъ:
 Природа брачную одежду надѣваетъ,
 Цвѣтные стелются ковры въ лугахъ;
 Хоръ слышенъ птицъ въ дубравахъ и садахъ.
 Какъ нѣжное дитя зефиръ игривый
 Рѣзвится на поляхъ, колыша нивы;
 Спѣшитъ оратай на труды
 Посѣять и пожагъ плоды.

Твое, гость дорогой! къ намъ посѣщенье
 Должно умножить восхищенье
 Въ сердцахъ всѣхъ преданныхъ твоихъ....
 Ты, какъ отецъ и попечитель,
 Какъ истинный домостроитель
 Желаетъ счастье устроить ихъ.
 Они на гласъ твой всѣ послушны....
 Ты видѣлъ ихъ приемъ радушный!...
 Смотрѣлъ чертоги богачей
 И хижины простыхъ людей.....

Мужъ доблестный! я такъ-же восхищаюсь
 Прибытіемъ твоимъ;
 Хоть нѣсколько и содрогаюсь;
 Однако-же спѣшу съ усердіемъ своимъ...
 Забывъ все старое, бывшее....
 Прими мое привѣтствіе простое
 И не лиши своихъ щедротъ.
 За благосердіе твой свѣтлый родъ,
 Твоя жизнь долго, мирно продолжится....
 А слава—на главѣ твоей
 Сплететь вѣнокъ изъ миртовыхъ вѣтвей!

Искренно любящій извѣстный Василій Сапоровскій.

Примѣч. Не забудьте, что я прежде имъ оскорбленъ и имѣлъ даже судебное дѣло, а нынѣ принять очень хорошо“.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ произведена была въ нашемъ духовномъ училищѣ обыкновенная ревизія, которой впрочемъ при мнѣ еще не было. Ревизоромъ былъ помянутый мною выше ученый протоіерей Полотебновъ. Но эта ревизія не имѣла для меня ни какихъ особенныхъ послѣдствій.

18-го іюля писалъ я въ Иваново и поздравлялъ сестру 1844 г. Марью Михайловну со днемъ ея ангела (22-го числа). Затѣмъ продолжалъ:

„Еслибъ Муромъ былъ поближе къ Иванову: непременно воспользовались бы настоящимъ, совершенно свободнымъ временемъ, чтобы поспѣшить къ вамъ на именины. Я ска- залъ: *совершенно свободнымъ*. Да, теперь и я свободенъ отъ училищныхъ занятій и Анна Васильевна освободилась отъ своихъ семейныхъ безпокойствъ, если только можно назвать безпокойствомъ пріятныя заботы о дѣтяхъ. Сынъ нашъ-Мипа, послѣ продолжительной болѣзни, оставилъ насъ и, какъ ангелъ Божій, мирно улетѣлъ на небо прошедшаго іюня 1-го дня. Пустота, произведенная его кончиною въ душѣ нашей, доселѣ ни чѣмъ не наполняется. Хотѣлось-бы въ самомъ дѣлѣ для развлеченія куда-нибудь выѣхать нынѣшнею вакаціею (жить въ городскомъ шумѣ безвыѣздно не много уже наскучило; хочется подышать свѣжимъ, сельскимъ воздухомъ): но въ дальній путь, на- примѣръ, въ ваши края, пуститься нельзя. Въ началѣ слѣдующаго мѣсяца, какъ обыкновенно водится, надобно ожидать Преосвященнаго. 16-го августа у насъ храмовый праздни- къ; къ тому же въ этотъ день назначено мнѣ говорить проповѣдь. Послѣ сего времени располагаемся съѣздить къ кому-нибудь изъ ближайшихъ по мѣсту родственниковъ.

Какъ много одолжили-бы насъ вы, если-бы какъ нибудь среди вакаціи вздумали посѣтить насъ. Не видавшись два года, весьма пріятно было-бы увидѣться и побесѣдовать о томъ, о семъ. Но у васъ, кажется, заведено хлѣбона- шество: и оно-то, конечно, не позволить вамъ отлучиться. Если какъ-нибудь и когда-нибудь заблагоразсудите насъ посѣтить: пригласите съ собою и Кохомскихъ. Какъ-то они нынѣ проживаютъ? Объ нихъ очень давно ничего я не слыхалъ. Да и объ васъ, правда, съ великаго поста ровно ничего не знаю. Богъ знаетъ, что у васъ дѣлается. Не совсѣмъ правъ и я предъ вами: такъ давно не писалъ вамъ ни строки. Но, пожалуй, у меня въ запасѣ есть не мало и причинъ. То былъ немного нездоровъ лихорадкой: и эта злодѣйка—лихорадка съ такою силой свирѣпствовала въ Муромѣ, что рѣдкое семейство спаслось отъ ея губи- тельнаго нашествія, а у насъ въ домѣ рѣшительно всѣ, и

1844 г. даже не по одному разу, испытали ея нападеніе; по милости этой же окаявной лиходѣйки, нашъ молодой зять—Яковъ Андреевичъ чуть-чуть не сдѣлался покойникъ. Далѣе—май весь прошелъ въ праздникахъ, да гуляньяхъ: тутъ ужъ не до писемъ. Іюнь—это у насъ тоже, что въ крестьянскомъ быту сѣнокосъ да жнитво,—ярмарка да экзаменъ: хлопотъ былъ полонъ ротъ. Едва едва, наконецъ, раздѣлались съ ревизоромъ; а ревизоромъ у насъ былъ протопопъ Полотебновъ, нашъ родной—Муромскій, человѣкъ умный и добрый. Не знаемъ только, какія будутъ послѣдствія“...

22-го сентября получено было мною изъ Абакумова отъ о. Граменицкаго, на 5-ти осьмушкахъ, письмо, начатое 9-го іюля и оконченное 8-го сентября. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, писалъ:

„Ваше дорогое пріятнѣйшее письмо въ моихъ рукахъ съ 22-го апрѣля.

Вы вполнѣ удовлетворили мнѣ чистосердечнымъ увѣдомленіемъ, и я очень благодаренъ за всѣ подробности письма вашего, постараюсь и самъ собрать все, что вспомнится.

1-го феврала былъ я приглашенъ на освященіе храма въ вновь открывшееся село Илькодино, отстоящее отъ насъ верстъ на 18-ть, тамъ священствуетъ нашъ товарищъ Иванъ Петровичъ Цвѣтковъ. Такъ какъ крестьяне этого села господина Поливалова, то этотъ Поливаловъ приглашалъ о. благочиннаго нашего, который и былъ дѣйствующимъ главнымъ лицомъ при освященіи. Удивительно трогательною для меня показалась процессія освященія храма! Когда священнодѣйствующіе надѣли на себя бѣлые фартуки и при громкомъ пѣніи ликовъ: *Господь воцарися въ мноту облечеса*—начали обмывать св. трапозу, вбивать камнями гвоздіе, облекать въ одежду и оноясывать мѣсто селенія Господня, какой-то священный восторгъ или незъяснимый ужасъ потрясъ все существо мое. Молю Господа Бога, что-бы удостоилъ меня побывать еще гдѣ-нибудь при подобномъ дѣйствіи.

Желаете знать, какъ я живу въ семействѣ? въ какомъ отношеніи къ своимъ пасомымъ? Часто-ли говорю проповѣди? Какія читаю книги? и часто-ли вижусь съ товарищами? Позвольте, милый другъ, готовъ удовлетворить съ полною охотою.

Прошедшаго іюня 24-го дня у меня родилась еще дочь

Ольга; значить, теперь двѣ дочери составляютъ единственное мое удовольствіе; въ домашнемъ быту дѣти для родителей первая забота, первая и отрада,—постоянно прислушиваюсь къ певнятному лепету старшей и къ бессознательной улыбкѣ и слезамъ семинедѣльной.

Отношеніе мое къ пасомымъ двойко: хорошее и не всѣмъ-то успѣшное. Хорошо, что я, въ четыре года понявши характеръ православныхъ рустиковъ, выполняю тотчасъ ихъ желаніе, не морю у крыльца по цѣлымъ суткамъ, не обременяю тяжелымъ условіемъ за потребу,—за то и они меня ни въ чемъ не оставляютъ. Во всякой нуждѣ слѣдуетъ только сказать выборному деревни,—тотчасъ все готово. Пашня-ли? Приѣдетъ цѣлая деревня, въ одинъ день запашетъ, посѣетъ и заборонитъ цѣлое поле. Навозъ возить—такъ посѣщаютъ меня 70 человекъ и въ одинъ день вывезутъ, разобьютъ и запашутъ. На сѣнокосъ слѣдуетъ вывезти четверть вина и бочку пива, подкосятъ столько, что успѣвай убирать; даже дьячки въ нашемъ селѣ по своей избалованности не всѣ занимаются работою сами, но чужими плечами; а священники—самую малость дѣлаютъ помочами. Но сколь легко положеніе мое съ прихожанами въ отношеніи житейскомъ, столь трудно напротивъ въ отношеніи духовномъ. Сами можете представить тяжесть моего пастырскаго положенія съ младенцами христіанской премудрости. Какъ ни научай, какіе не принимай тоны убѣжденія, ни какъ не потрафишь въ свою пользу,—все остаются тѣми же невѣждами, какъ и привыкли быть. Это сокрушаетъ мой духъ, постоянно мучить совѣсть и повсечасно напоминаетъ моему воображенію страшный гласъ Господень: *Оле пастыри Израилевы! крове овецъ моихъ отъ рукъ вашихъ възму.* Точно, можно подѣйствовать и на этотъ народъ своею жизнію. Но, любезный другъ, согласитесь сами, что человѣку, обязавшемуся семействомъ, нельзя отвергнуться себя совершенно, по заповѣди Божіей, нельзя дѣлать всё туне, нельзя избѣгнуть всѣхъ мірскихъ порицаній и пересудовъ. Уповаю на милосердіе Божіе, молю Его безпредѣльную благость, чтобы дѣланіе мое въ Божественномъ вертоградѣ было не безплодно;—да и отъ тернія взыдетъ кипарисъ, да и отъ безплоднаго каменія произыдутъ чада Аврааму....

1844 г. Остается сказать вамъ еще объ особомъ классѣ моихъ духовныхъ овецъ — дворянахъ, которыхъ въ моей паствѣ три дома. Живя въ городѣ и постоянно имѣя обращеніе съ симъ народомъ, сами можете составить понятіе и о моемъ къ нимъ отношеніи. Они народъ тонкій, пронизательный; обращаться съ ними надобно слишкомъ умѣвши; покойникъ мой родственникъ Симскій благочин. Приклонскій, при поступленіи моемъ на мѣсто, предупредилъ меня извѣстіемъ о щекотливости сихъ персонъ и вооружилъ правиломъ: на всякій случай держать въ запасѣ противъ нихъ за пазухой камышекъ; этого правила я держусь и доселѣ, и вполнѣ узналъ пользу и благотворность онаго. Впрочемъ, изъ нашихъ господъ позначительнѣе одинъ Николай Константиновичъ Поливановъ (родственникъ дѣйствительно вашей госпожѣ городничихѣ Пасенко). Да и его значительность состоитъ только въ 1000 душахъ крестьянъ, пользуясь которыми, онъ почти ежедневно насыщаетъ лакомыми обѣдами своихъ сосѣдей — бѣдняковъ, почти однодворцевъ. Да и нашъ братъ поживляется нерѣдко около его жирной индюшки. Доходы наши отъ господъ плохи. Отъ Поливанова таки можетъ быть перейдетъ около сотенки въ годъ, а отъ его сосѣдей по 25-ти р. съ дому на основаніи прадѣдовскихъ условій; за то эти денежки какъ достаются, — именно по́томъ и кровію; на кануи всѣхъ дванадцатыхъ праздниковъ у всякаго должно исправить всенощное бдѣніе (нечего грѣха таить, — сіи всенощныя бдѣнія мы служимъ каждое въ 3 четверти часа); въ 1-е число каждаго мѣсяца у каждаго въ домѣ совершаешь водоосвященіе. Въ 4-й барскій домъ продолжаю ходить на кондиціи доселѣ.

Какъ отвѣтитъ вамъ на вопросъ: часто-ли говорю проповѣди? И часто и рѣдко; часто говорю Платоновы ¹⁾; были присланы изъ Москвы поученія Путятина ²⁾, отличныя проповѣди, простыя, коротенькія самыя удобнѣйшія для нашихъ православныхъ; ихъ поговариваль; рѣдко: это надобно понимать въ отношеніи дѣятельности собственной; не больше пары сточаль за нынѣшній годъ, и это не отъ лѣности, но отъ того-же, отъ чего пятый мѣсяцъ пишу и

1) Ч. е. Московскаго митрополита Платона († 1812).

2) Продиона, Рыбницкаго протоіерея († 1869).

письмо къ вамъ. Книжонки-то почитываю тоже всякія: читалъ журналы: *Москвитяинъ*, — теперь читаю *Отечественныя Записки* за 1842-й годъ, рѣдко почитываю и духовныя изъ церковной бібліотеки; а новыхъ духовныхъ журналовъ, какіе читаете вы, къ несчастію достать не могу. Свѣтскихъ обильно всякихъ, была-бы охота и время читать, я этимъ счастливъ. Въ глуши деревенской, въ минуты тоски и скуки, книга самый вѣрный и пріятный товарищъ.

Заговорился я слишкомъ много о пустомъ; одинъ ученый мужъ сказалъ: молодой человѣкъ, больше чувствуй, нежели говори! Это правило опытнаго мудреца я нарушилъ своею неумѣстною болтовнею. Но, милый другъ, вы сами писали, чтобы я чертилъ вамъ чего-нибудь побольше: поэтому съ надеждою на ваше искреннее расположеніе и съ полною увѣренностію, что не всякое слово будете подвергать грозному разбору критики, — отправляю вамъ лоскутки сн, какъ знакъ моихъ продолжающихся, и никогда не имѣющихъ потухнуть дружескихъ чувствованій моего сердца. Утѣшаюсь мыслию, что сн лоскутки, попавшись къ вамъ въ руки, пробудятъ воспоминаніе въ душѣ вашей о неизмѣнномъ, постоянно любящемъ васъ другѣ. Ваше благородное сердце пойметъ это утѣшеніе: ибо я увѣренъ, и вы не меньше меня строги и справедливы въ соблюденіи священныхъ чувствованій любви, созрѣвавшихъ въ душахъ нашихъ въ продолженіи шестилѣтняго времени нашего вмѣстѣ пребыванія. Отрадно получать отъ васъ извѣстія и къ вамъ отправлять — и письменно; но что сказать о томъ удовольствіи, если-бы Богъ привелъ намъ какъ-нибудь увидѣться лично? Ни способа, ни времени, ни случая къ сему опредѣлить нельзя: предоставимъ на волю Божию. Лъщу себя пріятнѣйшею надеждою, что хотя не въ скоромъ времени, но удостоюсь получить извѣстіе отъ Васъ о Васъ, о всемъ для меня любезномъ и пріятномъ; а въ Муромѣ и кромѣ васъ, мнѣ все мило и пріятно; самая мѣстность этого благословеннаго города для меня священна; каждое мѣсто, каждая улица напоминаютъ событія моего дѣтства. Если-бы было возможно, всевозможныя препятствія преодолѣлъ бы для того, чтобы быть въ числѣ вашего духовнаго сонма; — но невозможно“.

9-го октября получено было мною письмо изъ Иванова отъ окончившаго курсъ семинаріи А. В. Атьбицкаго:

1844 г. „Вотъ ужъ слишкомъ годъ прошель съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались и не переписывались съ вами. Чувствую, что причиною этого мое безумное, безсовѣстное молчаніе. Прошу васъ, простите моему безумію. Повѣрьте, я васъ, помню и по прежнему или еще болѣе люблю: одно воспоминаіе о дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ вами, доставляетъ величайшее услажденіе моему духу, ибо вы единственный въ моей жизни другъ. И потому долго, почти каждодневно, я думалъ о томъ, чтобы написать къ вамъ письмо, не однократно уже и начиналъ писать; но какой-то *духъ лукавій* препятствовалъ совершить это *доброе дѣло*; даже и написалъ было одно письмо и послалъ: но и оно, къ величайшему моему огорченію, не получено вами. Наконецъ, побуждаемый чувствомъ долга и чести, спѣшу написать къ вамъ второе посланіе. За то послѣ долгаго молчанія, вы найдете во мнѣ прежняго многоглаголиваго и откровеннаго друга. Доказательствомъ этого послужитъ сіе письмо, содержащее въ себѣ цѣлую исторію моей жизни, начиная съ того дня, въ который мы разстались, даже до сего дня.

Быль 22-й день августа 1842 года, когда я послѣдній разъ бесѣдовалъ съ вами. Въ этотъ же самый день я отправился въ село Воскресенское, съ тѣмъ, чтобы окончательно условившись со священникомъ того села, явиться къ Высокопреосвященному съ общимъ прошеніемъ о назначеніи меня въ село Вески во священника. Воскресенскому священнику я полюбился, невѣстѣ понравился, они мнѣ также, — и у насъ дѣло чуть было не въ шляпѣ: только слѣдовало явиться къ Преосвященному за благословеніемъ, а тамъ по рукамъ, да п..... По происки одного изъ товарищей монахъ—Василья Руберовскаго,—которому самому хотѣлось поступить въ Вески, а частію и моя собственная неосторожность была причиною того, что Воскресенскій священникъ, пріѣхавши во Владиміръ, мнѣ отказалъ, а согласился съ другимъ — тоже изъ хорошихъ студентовъ, Петромъ Лавровымъ, который уже съ Петрова дни помнится въ Бозѣ почившимъ; а прежде нареченная невѣста моя, на 18-мъ году своей жизни вкусившая сладость супружества, на томъ же году познала горечь сиротства и одиночества.

День Рождества Пресвятыя Богородицы былъ послѣднимъ 1844 г днемъ моего пребыванія во Владимірѣ, — съ сего дня я не былъ въ немъ, и ничего почти не знаю о прежде бывшихъ товарищахъ. Когда пришелъ домой, какая-то безотчетная грусть овладѣла мною. въ продолженіи почти 1½ мѣсяца я жилъ, какъ отчужденный отъ людей, въ душѣ моей была какая-то пустота, — много осеннихъ ночей темныхъ и долгихъ проведено было безъ сна. Вы можете представить, что такое состояніе очень, очень не завидное.

2-го ноября я вступилъ въ должность домашняго учителя въ семействѣ становаго пристава, Гаврила Андреевича Иконникова, живущаго въ нашемъ селѣ, куда былъ рекомендованъ самимъ Преосвященнымъ. Съ сего времени много поправились мои обстоятельства, и я ожилъ душою.

5-го марта уже 1843 года я былъ приглашенъ въ домъ купца Шодчина для обученія его малолѣтней дочери грамотѣ. И вотъ тогда-то началась моя масленица. По благорасположенію ко мнѣ Антона Николаевича Шодчина, во всемъ имѣю обиліе и довольство.

18-го сентября отецъ ректоръ Владимірской семинаріи ¹⁾ прибылъ въ наше село для освященія кладбищенской церкви; 19-го совершалъ освященіе; на 20-е уѣзжалъ въ Шую для осмотра тамошнихъ училищъ; 21-го служилъ въ новоосвященномъ храмѣ въ нашемъ селѣ; но другихъ престоловъ не освящалъ, а препоручилъ совершить оное нашему протоіерею; 22-го всѣ священнослужители нашего села, многіе изъ купцовъ, и я, бѣдный, тутъ-же провожали нашего дорогого гостя далеко за село. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго было выпито здѣсь за общее здоровье. И сіе-то пребываніе отца ректора было для меня самое благоприятное. Здѣсь я удостоенъ самыхъ лестныхъ отзывовъ со стороны Антона Николаевича Шодчина, съ которымъ о. ректоръ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, какъ съ первымъ изъ числа строителей и украсителей вновь освященнаго храма. И о. ректоръ удостоилъ меня особенно своего вниманія и благоволенія, доказательствомъ чего служатъ его добрыя отзывы о мнѣ, его обѣщанія споспѣшествовать мнѣ при опредѣленіи моемъ на какое бы то ни было мѣсто, —

1) Архимандритъ Евонній.

1845 г. его прошеніе, чтобы купцы не оставили меня своимъ расположеніемъ, наконецъ книга, которую онъ подарилъ мнѣ на память. Вотъ жизнь моя теперь, покуда не пришла чреда моего служенія предъ престоломъ благодати. Вы, какъ іерей Бога вышняго, имѣете большее дерзновеніе предъ Пимъ, и потому прошу васъ, не оставьте и меня въ своихъ молитвахъ при совершеніи безкровной и всеочищающей жертвы, помолитесь Господу Богу, да устроитъ Онъ судьбу мою во благое и въ пользу другихъ.

Слышалъ я, что въ Богоспасаемомъ градѣ Муромѣ въ приходѣ Срѣтенія или Димитрія Солунскаго, священникъ, находя себя слабымъ въ силахъ и не способнымъ къ исполненію всѣхъ должностей священнаго сана, и притомъ не имѣя ни кого изъ близкихъ родственниковъ, желаетъ уступить свое мѣсто и домъ постороннему лицу за какое-то возмездіе. Потрудитесь узнать, справедливы ли сіи слухи и меня о томъ извѣстить“.

22-го декабря писалъ мнѣ изъ Иванова діаконъ О. С. Виноградовъ и, между прочимъ, извѣщалъ, что съ новаго, 1845 года, открывается въ Ивановѣ почтовая станція и что лежащая за рѣкою деревня Иконниково куплена у помѣщика Ивановскими купцами за 200 тысячъ рублей, съ цѣлію перенести сюда свои фабрики и со временемъ образовать здѣсь городъ (что въ настоящее время и приведено въ исполненіе), что умеръ у моей сестры Маріи Михайловны поворожденный сынъ Александръ, и что Кохомскіе родные остаются въ прежнемъ положеніи.

Наступившій новый, 1845 годъ, былъ для меня годиною великаго и тяжкаго испытанія, какъ читатель увидитъ далѣе.

Поздравлялъ я, по обычаю, съ новымъ годомъ своихъ Ивановскихъ родныхъ и, между прочимъ, писалъ имъ:

„Не знаю, какъ вы, а мы вступили во время новаго года съ старыми слабыми силами. Анна Васильевна еще до сихъ поръ хилѣетъ, не поправляется. Болѣзнь, повидимому, не значительная, тѣмъ не менѣе опасная. Слишкомъ уже три мѣсяца мучитъ ее сухой кашель. Прибѣгали было и ко врачевнымъ пособіямъ, употребляли и домашнія средства: все тщетно. Я самъ тоже не могу похвалиться на сей разъ богатымъ здоровьемъ. Въ святки, чѣмъ бы отдохнуть и повеселиться, я совершенно изнурился: и славенье, и еже-

дневная служба, и приготовленіе къ новому году проповѣди— 1845
 все это вмѣстѣ, признаюсь, не легко мнѣ обошлось; некогда было и подумать объ удовольствіяхъ, до которыхъ, правду сказать, я и всегда не большой охотникъ. Наше славленіе много отличается отъ вашего. Вы обойдете или объѣдете въ день дворовъ пять, шесть не болѣе: а мы, какъ угорѣлые, рыщемъ изъ конца въ конецъ города, почти весь день не пивши, не ѣвши. Это, впрочемъ, не потому, что бы не имѣли случаевъ попить или поѣсть—(въ каждомъ почти домѣ предлагаютъ угощеніе), но потому, что дорожимъ временемъ. За то въ три дни оканчиваемъ всѣ эти интересно—скучные подвиги. Впрочемъ, какъ ни скучно, не мѣшало бы почаще имѣть такіе подвиги“.

20-го января писалъ мнѣ изъ Горицъ о. Василій Саноровскій:

„Первоначальнымъ долгомъ поставляю поздравить васъ съ наступившимъ новымъ годомъ, пожелать вамъ новыхъ благодѣтельныхъ даровъ, свыше нисходящихъ, новыхъ радостей, новаго преуспѣянія во всѣхъ благихъ предпріятіяхъ—или всякаго благополучія;—потомъ принести вамъ и чувствительнѣйшую благодарность за пространное и пріятное письмо,—давно, очень давно мною полученное, а именно октября 31-го дня прошедшаго года. Въ ню-же мѣру мѣрите, сказалъ Господь, возмѣрится и вамъ. По правиламъ политики мы съ вами, кажется, разквитались и не настоять надобности извиняться предъ вами невѣжествомъ: но любовь родственная и дружескій союзъ заставляютъ признать себя виновнымъ въ долговременномъ моемъ молчаніи. Истинная любовь, по свидѣтельству Апостола, не лицемерна, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ—любить откровенность.

Причины долговременнаго отвѣта были подобныя вашимъ причинамъ, какія вы представили въ свое оправданіе. У васъ были занятія по училищу, а у меня—по слѣдствіямъ, яко депутата. Вы погостили у своихъ родныхъ, и я такъ же ѣздилъ на родину въ Старо-никольскій погостъ. У васъ были похороны одного богатаго гражданина, а я схоронилъ многихъ такъ же достаточныхъ. Вы писали проповѣдь, а я двѣ на Михайловъ день. Одна показалась не приличною по случаю пріѣзда на освященіе г. губернатора и архимандрита

1845 г. Ософила въ Шую, однако ни тому, ни другому не было времени послушать; одинъ заболѣлъ отъ шумныхъ баловъ, а другой отъ капризовъ нашего Шуйскаго духовенства. Если писать всѣ недѣсуги, то и конца не будетъ, не лучше ли побесѣдовать о другихъ предметахъ.

Вы пишете—страшились приѣзда владыки;—онъ у насъ такъ же былъ и прежде гораздо—мы готовились къ встрѣчѣ кажется не хуже вашего и встрѣтили съ подобающею ему честію. По святой владыка такъ ко мнѣ былъ неблагоосклоненъ, что почтилъ бесѣдою отца діакона вмѣсто меня, а меня и въ алтарь не пустилъ—упрекалъ меня почему я не исправляю стѣнное письмо въ холодной церкви, пришедшее отъ долговременности въ трещины. Такъ-то, любезнѣйшій, награждаютъ сельскихъ стариковъ, депутатовъ, духовниковъ за тридцатипяти-лѣтнюю службу безпорочную.

Вы пишете—что нынѣшнимъ лѣтомъ холодный соборный храмъ тщаніемъ богатаго старосты Зворыкина раздѣланъ (это, кажется, напрасно) и покрытъ бѣлою масляною краскою подъ лакъ; нынѣ старина весьма уважается въ христіанскихъ храмахъ. Мы сдѣлали усердіемъ нѣкоторыхъ доброжелателей двѣ сребро-позлащенные ризы на Божию Матерь Рождества Пресвятыя Богородицы и Спасителя. Вамъ воздана благодарность, а мнѣ сдѣлано замѣчаніе указомъ. Вы пишете о книгахъ Данилевскаго и о Панолеонѣ. Этотъ походъ совершился при мнѣ и многое извѣстно мнѣ, такъ какъ я читалъ всегда разныя газеты; у меня хранятся собственные стихи на сей случай. Подлинно, Панолеонъ былъ человѣкъ необыкновенный, лучезарная звѣзда, явившаяся на сѣверѣ для просвѣщенія Русскаго міра, не смѣю сказать, карателемъ нашихъ беззаконій. Не онъ-ли заставилъ нашихъ владыкъ проѣхать по вселенной? Не онъ ли научилъ доселѣ хранить прочный мнрѣ въ Европѣ? Просвѣщеніе, политика, книги, критика и утопическое духовнаго, не говорю, свѣтскаго обращенія, не отъ временъ-ли Панолеона? Теперь скажу на ваши слова о книгахъ. Книгъ много я нынѣ не читаю, и негдѣ взять. Нашелся какъ-то одинъ томъ Иннокентія, но за недосугами прочиталъ кое-какъ; впрочемъ, можно сего іерарха назвать витією и знатокомъ Священнаго Писанія, хотя и иде выставляетъ замашки.

О несчастіи стариннаго друга моего, Ивана Григорьевича Соколова, я прежде вашего извѣстія слышалъ и по дружеству много пожалѣлъ; удивляюсь, отъ чего онъ пылѣ со мною становится совершенно незнакомымъ и чуждымъ. Вы сожалѣете о умершемъ первенцѣ, кажется, напрасно; конечно, онъ былъ первымъ залогомъ вашей супружеской любви, но развѣ вы не знаете, что перворожденное свято наречется и посвящалось Господеви? Вы постараетесь еще болѣе другъ другу любовь доказать и родить другаго сына или дочь на утѣшеніе.

Вы наконецъ пишете, что не любите шумныхъ и продолжительныхъ пировъ. Правда, веселое пированье доставляетъ и пріятность и удовольствіе. Веселящуся сердцу, какъ говоритъ премудрый, и лице цвѣтетъ. Но опытъ доказываетъ, что отъ безвременнаго и неумѣреннаго разгула разстраивается первая система, особенно при слабомъ здоровьѣ. *Medium est optimum*. Вы молоды и еще можете переносить перемѣны, а нашему брату это иго тяжкое. Простите великодушню, что за долгое молчаніе, много расписался и, можетъ быть, позаболтался, а тѣмъ, вмѣсто удовольствія, сдѣлалъ неудовольствіе. Хотя и слышать я, что огромный вамъ колоколь привезенъ, но любопытно знать, какъ онъ звучитъ, равно и о часахъ, какъ стучать и какую составляютъ на колокольнѣ общую гармонію?

За симъ съ совершенною преданностію и искреннею любовью имѣю честь остаться почитающій села Горичъ священникъ Василій Сапоровскій“.

Въ отвѣтъ на мое письмо о. Сапоровскій снова писалъ мнѣ отъ двѣнадцатаго марта.

„Отъ скуки, холоду и голоду, скрутивъ усы, повѣсивъ голову, рукою лѣвнвою беру перо для начисанія вамъ отвѣта на давно присланное ваше письмо. Премного благодаренъ за ваше ко мнѣ благорасположеніе, особенно за то, что меня при старости не забываете, помните и утѣшаете пріятными и исполненными дружескихъ, откровенныхъ чувствованій, письмами. У меня также вы одинъ краснорѣчивый и неизмѣнный корреспондентъ. Много прежде было и друзей и пріятелей, но все они, какъ перелетныя птицы, разлетѣлись и оставили меня одинокимъ. Какой былъ другъ, какой писака Иванъ Григорьевичъ Соколовъ, первый зять

1845 г. достопочтеннѣйшаго вашего отца протоіерся, но и онъ совершенно оставилъ меня, смолкъ и погрузился въ сонъ непробудный.

Простите великодушно, что рѣдко пишу къ вамъ и долго не отвѣчаю на ваши письма. Постоянная служба, мірскія требы и другія суеты, не рѣдко посѣтители—невольнo отвлекаютъ отъ ученыхъ занятій и корреспонденцій. Тамъ была масляница — старинный русскій праздникъ, много было родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, на первыхъ недѣляхъ много было исповѣдниковъ и духовныхъ и простыхъ, при томъ случилось слѣдствіе въ селѣ Колбацкомъ. Миѣ очень желательнo и отказаться отъ должностей духовника и депутата, но опасуюсь, какъ бы нашъ строгій и характерный владыка еще болѣе не оскорбился на меня и подъ предлогомъ слабаго здоровья не управилъ бы по неволѣ въ монастырь. Правда, я сего не устрашаюсь;—время, очень время посвятить себя уединенію: но въ общежительныхъ монастыряхъ, наипаче въ нынѣшній лукавый вѣкъ, гдѣ найти мирную обитель: дадутъ-ли насладиться спокойствіемъ и тишиной. Многократно разсматривалъ я постническіе подвиги въ Николо-шартомскомъ монастырѣ; онъ у меня, какъ говорится, подъ бокомъ: но какъ все миѣ не понравилось! Святая братія живутъ и не по братски, — безпрестанно брани и свары,—чары и чарки... И можно ли быть любви и согласію, трезвости и благочестію, когда всѣ сведенцы—собранны изъ разныхъ мѣстъ и должно сказать, отребіе міра? Здѣсь не долго и самому настоятелю и правителю погрязнуть, яко олово, въ водѣ зѣльнѣй! Къ большому соблазну иночествующихъ вблизи имѣются Кана Галилейская и слобода — слободушка! Кромѣ сего главнымъ препятствіемъ служатъ миѣ домашнія сироты. Оставить ихъ безъ всякаго покровительства, — значить сдѣлать несчастными и быть самому изъ десяти неблагодарныхъ, кои за благодаренія Божіи не воздали должной хвалы. Предаюсь, какъ и прежде писалъ я, во власть Провидѣнія Божественнаго, что угодно будетъ Господу, то и сотворить. Побесѣдуемъ о чтеніи и книгахъ.

Вы, конечно, счастливы, обращаетесь въ обществахъ почтенныхъ ученыхъ и опытныхъ мужей, гдѣ и слова и поступки исполнены и отличаются благородствомъ, тон-

кою политикою, гдѣ можно изъ одного, такъ сказать, обра- 1845 г
щенія научиться многому, полезному и назидательному. Въ хорошихъ книгахъ такъ же не случается у васъ недоста-
тка; кромѣ соборной библіотеки, вы въ краткое время
пріобрѣли у многихъ благорасположеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ
нашли средства къ усовершенствованію въ просвѣщеніи и
къ пріобрѣтенію лучшихъ сочиненій. О книгѣ Сперанскаго
и я въ Шуѣ слышалъ хорошіе отзывы, но не только чи-
тать, но и видать не случалось оную. Слава Богу, досталъ
и вторую часть сочиненій Иннокентія, и въ ней есть
чѣмъ попользоваться, есть чему и полюбоваться. Окончивъ
ого сочиненія, нечего, кромѣ Московскихъ газетъ, читать
будеть, — примуся за Канонникъ и Акаѳистникъ, — старцу
чѣмъ болѣе заниматься?

Вы спрашиваете, кто у насъ въ Шуѣ и Ивановѣ на-
значены катихизаторами. Таковыхъ слуховъ доселѣ не
случалось слышать, хотя на сырной недѣлѣ въ Шуѣ я не
много и погостилъ. По моему это учрежденіе никакой не
можетъ произвести въ нынѣшнемъ народѣ пользы и услѣха,
особенно въ зимнее время, когда литургіи поются на вос-
ходѣ солнечномъ. Многіе скучаютъ и отъ проповѣдей сель-
скаго духовенства, захотятъ-ли слушать катихизатора?

Пожелавъ вамъ, почтеннѣйшей Аннѣ Васильевнѣ съ до-
машними всякаго благополучія и добраго здоровья съ совер-
шенною преданностію и непремѣняемою любовію остаюсь
усердный слуга села Гориць свщ. Василій Сапоровскій“.

22-го апрѣля Господь посѣтилъ меня тяжкою скорбію:
я лишился своей супруги. Послѣ шестимѣсячной болѣзни,
вслѣдствіе простуды, жена моя Анна Васильевна скон-
чалась отъ чахотки, на 25 мѣ году отъ рожденія (она ро-
дилась 27-го декабря 1820 года), бывши въ супружествѣ
3 года, 3 мѣсяца и 10 дней. Тѣло ея погребено 25-го
числа на городскомъ Воскресенскомъ кладбищѣ. При отпѣ-
ваніи въ соборѣ произнесена была молодымъ своякомъ мо-
имъ, священникомъ Крестовоздвиженской церкви Іаковомъ
Андревичемъ Силецкимъ слово, а двоюроднымъ братомъ
усопшей, священникомъ Николо-набереженской церкви Вла-
диміромъ Егор. Аменицкимъ — рѣчь.

Печальное событіе это глубоко потрясло мое сердце и
имѣло на мою дальнѣйшую жизнь чрезвычайно важное влія-

1845 г. ніс. Какъ ни тяжко было это испытаніе, но я перенесъ его, при помощи Божіей, съ христіанскимъ смиреніемъ и съ полною покорностію предъ неисповѣдимыми судьбами Божественнаго Промысла.

Горестное положеніе мое возбудило общее, искреннее ко мнѣ сочувствіе не только въ родныхъ, но и въ постороннихъ лицахъ. Первый выразилъ это сочувствіе мой истинный доброжелатель, о. протоіерей М. Гр. Троопольскій. Вотъ что писалъ онъ мнѣ на другой же день послѣ совершившагося со мною печальнаго событія, 23-го числа:

„Любезнѣйшій братъ и сослуживецъ мой!

Чувства сожалѣнія и скорби моей о лишеніи вашемъ прислѣ я изъявить вамъ соборнаго діакона, не могли быть къ вамъ, за болѣзнію моею, лично. Недостаточнымъ, показалось мнѣ, участіемъ таковое изъясненіе противъ того, какъ расположено къ вамъ сердце мое. Въ видѣ хартиі сей-я-, какъ будто лично, посѣщаю васъ, обнимаю васъ и плачу съ вами. Предлагать-ли вамъ совѣтъ, что не надобно предаваться отчаянной горести? Съ тѣмъ родимся, чтобы умереть; зерно, падшее на землю, не принесетъ плода, если не сгніетъ. Мало жили—меньше согрѣшили. Не осталось сѣмени? Нѣтъ связующихъ узъ. Да на что-же восхищать намъ судъ Божій? По увѣренъ, что никакой совѣтъ не отдалилъ васъ отъ любезнаго праха, ни что не остановитъ источниковъ слезъ, ни чѣмъ не измѣнится нынѣ скорбное сердце. Только время и обстоятельства могутъ облегчить горе. Не усиливаюсь удержать васъ отъ слезъ, нельзя не плакать, поплачемъ вмѣстѣ. Но не выходите изъ границъ—представьте, что вы въ подобномъ случаѣ учите другихъ упованію. Вы одни—сохраняйте себя для себя. Быть можетъ, новое предлежитъ вамъ испытаніе -- потребны силы. Одно еще представляется мнѣ: милосерднѣйшій Отецъ небесный, сотворивши васъ, воздвигши васъ млекою христіанскаго ученія, даровавши вамъ способности и доброе сердце, ужели сократилъ участіе въ жребіи вашемъ? Не умѣstasy любочестивыя мысли, но кто не скажетъ, что вы—сосудъ въ честь. По всему видно, что Богу угодно разорвать узы ваши съ міромъ, и чтобы вы полагали все въ единомъ Богѣ. На случай погребенія страдальчески умер-

шей, что находите пужнымъ и приличнымъ, требуйте моимъ 1845 и
именемъ отъ братіи собора“.

Послѣ первыхъ дней душевной скорби, я рѣшился написать о своемъ горѣ всѣмъ роднымъ; и вотъ въ какихъ выраженіяхъ я излилъ предъ ними свою скорбь:

„Конечно, на сей разъ вы ожидали отъ меня радостнѣйшаго привѣтствія съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Спасителя: но увы? печальная необходимость заставляетъ меня сообщить вамъ горестнѣйшую вѣсть смерти... Вообразите мое несчастіе!... Единственный другъ мой, милая и вѣрная сопутница жизни—Анна Васильевна—разлучилась со мною, оставила меня на всегда; продолжительная и тяжкая болѣзнь свела ее наконецъ во гробъ.... Судите сами, можетъ-ли быть что-либо горостнѣе, несноснѣе для юнаго супруга—священника, какъ лишиться милой и доброй супруги... Ахъ! глубоко, слишкомъ глубоко чувствую важность настоящей потери,—потери, которая никогда и ничѣмъ на землѣ не можетъ быть вознаграждена.

Итакъ, всѣ лучшія мои земныя надежды покрыты гробовою доскою, всѣ радости и утѣшенія погребены съ милымъ прахомъ въ холодной могилѣ. Терпѣніе, одно терпѣніе осталось мнѣ въ удѣлъ. Впрочемъ, въ семь горестнѣйшемъ для меня событіи я вижу ясно перстъ Божій, поражающій и вразумляющій меня. И что было бы со мною, если-бы сія святая вѣра и твердое упованіе на благое Провидѣніе не поддерживали моего слабого духа!

Мирная христіанская кончина моей возлюбленной послѣдовала съ 22-го (это было Өоміно воскресенье) на 23-е число сего апрѣля въ 12 мѣ часу ночи, а погребеніе совершено 25-го числа. Въ послѣдствіи сообщу подробности сего печальнаго событія.

Дражайшіе мои родные! видимый союзъ, которымъ я столь тѣсно связанъ былъ съ дражайшею моею половиною, и который по необходимости раздѣлялъ меня съ вами, теперь расторгнуть рукою смерти (хотя внутренняя духовная связь еще болѣе между нами укрѣпилась: ибо *любы*, по слову Писанія, *никогдаже отпадетъ*). Итакъ, мое сердце снова обращается къ вамъ, мои родные! снова воспламеняется прежнюю любовью и усердіемъ къ вамъ. Прошу покорно не ствергнуть меня грустнаго, безотраднаго страдальца; утѣньте

1845 г. меня прежнею, привѣтливою ласкою; почтите хоть одною слезою память усопшей, а обо мнѣ несчастномъ помолите Бога, да укрѣпитъ Своею всеильною благодатію мою слабую вѣру, и да утвердится навсегда въ моемъ сердцѣ спасительный страхъ Божій.

О, еслибы Господь вложилъ вамъ благою мысль посѣтить меня горькаго настоящею весною! Какая была бы для меня отрада, какое утѣшеніе! И въ ожиданіи сего сладостнаго утѣшенія остаюсь съ негипною къ вамъ любовію“.

На мое приглашеніе поспѣшили пріѣхать и утѣшить меня мои ближайшіе родные — зять Василій Александровичъ и сестра Марья Михайловна. Они пробыли у меня въ половинѣ мая, нѣсколько дней.

А 21-го мая получилъ я утѣшительное посланіе изъ Горницъ отъ о. Василія Сапоровскаго.

„Лишь только“, — писалъ онъ мнѣ отъ 13-го числа, — положилъ твердое намѣреніе и хотѣлъ взять перо, чтобъ васъ привѣтствовать, хотя поздно, съ свѣтлымъ праздникомъ, пожелать радостей и семейнаго счастья: но вѣсть о кончинѣ кроткой и почтенной супруги нашей, неожиданно полученная, подобно громовому удару, разрушила всѣ мечты мои и преисполнила сердце мое ужасомъ и мучительною скорбію. Читая горестное, страдальческое письмо ваше невольно лились слезы изъ наплаканныхъ глазъ моихъ, сколько по любви моей къ вамъ, столько и потому, что я сей крестъ ношу уже двадцать пятый годъ. Вотъ какъ непостоянно счастье міра сего, какъ и самыя радости обращаются въ плачь! Не напрасно говоритъ Писаніе: егда рекутъ миръ и утвержденіе, тогда внезапно нападетъ на нихъ всегубительство.

Въ сихъ непредвидимыхъ, бѣдственныхъ обстоятельствахъ гдѣ же искать намъ утѣшенія, какъ не въ томъ же словѣ Божіемъ, какъ научаетъ искушенный въ злопесчистіяхъ пророкъ: возложи на Господа бремя скорби твоей и Онъ подкрѣпитъ тебя перенести. Провидѣніе ведетъ насъ къ будущему блаженству такими мудрыми путями, которыхъ ни кто изъ насъ постигнуть не можетъ. Посему во всякомъ случаѣ мы должны предаваться водительству Божію и съ терпѣливымъ Іовомъ утѣшать себя сими назидательными

словами: яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя 1845 г
Господне благословено! Подвигоположникъ не для того-ли
сей терновый вѣнецъ возложилъ на вашу главу, чтобъ послѣ
воспрославить васъ большею славою?..

Вы просите меня, чтобъ я васъ въ настоящемъ плачев-
номъ состояніи утѣшалъ письмами и не оставлялъ совѣтами.
И по родственной, хотя отдаленной, связи и по чувствамъ
благорасположенія и любви моей къ вамъ и по одинако-
вому жребію, я никогда не отрекусь писать къ вамъ; отно-
сительно же совѣтовъ, не знаю что сказать. По словамъ
Премудраго: другъ вѣренъ, кровь крѣпокъ: обрѣтый Его,
обрѣте сокровище; другъ вѣренъ, врачеваніе житію. Но не
столько по отдаленности, сколько по разности мѣстныхъ об-
стоятельствъ едва ли мои совѣты будутъ вамъ полезны и отъ
сельскаго невѣжды можетъ-ли что добро быть? Въ Муром-
скомъ значительномъ духовенствѣ довольно и просвѣщен-
ныхъ и опытныхъ мужей; — они-то могутъ уврачевать и
раны сердца вашего и руководить и поддерживать на строп-
тивомъ и скользкомъ пути житейскомъ; всего лучше совѣ-
тую изливать теплыя молитвы къ всемогущему и пребла-
гому Богу, да ниспослетъ Утѣшителя — Духа Святаго, про-
свѣщающаго всякаго человѣка и наставляющаго на всякую
истину.

Позвольте пѣсколько строкъ написать о моихъ тѣсныхъ
обстоятельствахъ. Слухи у насъ посятся, будто бы священ-
никовъ вдовыхъ опредѣляютъ въ монастыри и будто-бы нашу
Шуйскую округу отъ Владимірской отчислить и приписать
къ Костромской епархіи. Въ первомъ случаѣ мнѣ жалко
оставить сиротъ и домъ отдать, можетъ быть, за безцѣ-
покъ, во второмъ — забыть и во Владимірѣ Архипастыря,
который, при всѣхъ неудовольствіяхъ, ко мнѣ былъ, являлся
благосклоннымъ очень не рѣдко. По о будущемъ много го-
ворить не буду. Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова
проводилъ я благополучно, день моихъ именинъ, то есть
26-е число апрѣля, праздновалъ весело; но чрезъ трои-
сутки посѣтили меня другіе и незванные гости, какимъ-то
доселѣ неизвѣстнымъ образомъ, забрались на чердакъ и въ
глухую полночь отперли чердачную дверь, крючекъ которой
слабо закладывался, отложили, потомъ отперли къ задней
свѣтелѣ вери и всѣ ворота, собаку съ цѣпью со двора

1845 г. спустили и начали работать. Къ счастью, что мы услышали и помѣшали; однако убытку сдѣлали около трехъ сотъ рублей.

Вотъ, почтеннѣйшій отецъ, паки повторяю, что значить мѣръ сей и какъ опъ коловратепъ! Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды во лжебратѣи. Въ таковыхъ случаяхъ со Апостоломъ Павломъ не буду азъ изнемогать, но такъ же уповать на милость Божию“.

Въ послѣднихъ числахъ мая писалъ мнѣ изъ погоста Архангельскаго, близъ Шуи, дальнѣй родственникъ и товарищъ по семинари, священникъ Иванъ Макарычъ Фортунатовъ и выражалъ искреннее соболѣзнованіе о моемъ горѣ.

Въ отвѣтъ на это писалъ я ему отъ 3-го іюня:

„Чѣмъ неожиданнѣе письмо ваше, тѣмъ болѣе обязываетъ меня къ благодарности. Благодарю, усердно благодарю васъ за искреннее, живое участіе въ моемъ злополучіи. Да, любезный другъ мой! Провидѣнію угодно было возложить и на меня тотъ тяжкій крестъ, который несете вы сами. Пужно-ли описывать вамъ, что я чувствовалъ и что теперь чувствую, лишившись милой, безцѣнной подруги? Ваше сердце гораздо краснорѣчивѣе всѣхъ моихъ словъ изобразить ту скорбь, которая отъ времени до времени потрясаетъ все существо мое. Впрочемъ, вы имѣете еще на землѣ отраду въ юномъ плодѣ вашей супружеской любви: я лишень и сего послѣдняго утѣшенія. Былъ и у насъ малютка сынъ, но пеумолимая смерть, назадъ тому ровно годъ, похитила его изъ рукъ нашихъ уже на второмъ году его жизни. Если-бы не любовь къ книгамъ, не постоянное развлеченіе по обязанности службы, а всего болѣе если-бы не святая вѣра и совершенная преданность въ волю Божию охраняла меня: я и не знаю, что было бы со мною въ настоящемъ горестномъ положеніи.

Любонѣтствуете на счетъ болѣзни усопшей? Главною причиною ея болѣзни—жестокая простуда, случившаяся съ нею въ октябрѣ прошедшаго года. Въ слѣдствіе простуды открылся сильный сухой кашель; кашель, наконецъ, произвелъ, по признанію врачей, чахотку; а за тѣмъ—преждевременная смерть. Истощены были всѣ земныя пособія, но ничто не возвратило потеряннаго здоровья“.

Въ июнѣ послѣдовала въ Муромскомъ дух. училищѣ перемѣна смотрителя. Бывшій смотритель игумень Нифонтъ переведенъ былъ въ Переславскій Никитскій монастырь, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. На его мѣсто смотрителемъ опредѣленъ мой товарищъ не только по семинаріи, но и по Шуйскому училищу, кандидатъ XIV курса (1844 года) Московской дух. академіи, Сергѣй Андреичъ Красовскій. Взаимныя отношенія наши съ нимъ, на первый разъ, были нѣсколько странны: онъ хотѣлъ казаться начальникомъ, но не имѣлъ для этого такта и потребныхъ нравственныхъ качествъ—не рѣдко предавался не трезвости.

Одинъ изъ богатыхъ Муромскихъ купцовъ, Ефимъ Ив. Козновъ возымѣлъ усердіе пожертвовать Муромскому собору колоколъ въ тысячу пудовъ. 25-го іюля колоколъ былъ привезенъ изъ Нижняго Новгорода по Окѣ въ Муромъ: 1-го августа былъ освященъ на берегу рѣки, а 2-го, при многочисленномъ стеченіи народа, перевезенъ къ собору. За тѣмъ я командированъ былъ во Владиміръ съ просьбою къ Преосвященному о разрѣшеніи принять этотъ многоцѣнный даръ (около 50 тысячъ рублей ассигнаціями); при этомъ уполномоченъ былъ поднести Архипастырю, на счетъ соборнаго старосты, мѣшокъ крупитчатой муки и ведро мадеры. Представляясь Владыкѣ, я объяснилъ ему о постигшемъ меня несчастіи: онъ прослезился и подаль мнѣ мысль о монашествѣ. При этомъ Владыка разсказалъ мнѣ, какъ онъ убѣждалъ Кознова не устроить такого большаго колокола для уѣзднаго города, а сдѣлать колоколъ въ 500 пудовъ, другую же половину суммы употребить на какое-нибудь, болѣе полезное дѣло. Но упрямый купецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, приговаривая: „большой-де колоколъ изъ ада душу вызвонитъ“. Дѣлать было нечего. Владыка уступилъ настойчивому жертвователю, и намъ разрѣшилъ принять его жертву. 23-го сентября колоколъ былъ поднятъ на соборную колокольную и, въ продолженіе трехъ дней, съ утра до ночи, безъ умолку производился звонъ къ великому утѣшенію гражданъ, а между тѣмъ, въ это время, и въ домѣ жертвователя, и въ домѣ соборнаго старосты, купца Зворыкина, происходили шумныя, торжественныя пиршества.

Послѣ того, какъ постигло меня семейное горе, я сталъ

1845 г. размышлять самъ съ собою и обращался за совѣтами къ другимъ, что мнѣ дѣлать и какъ устроить дальнѣйшую мою судьбу. Мнѣ представлялось три пути: или оставаться на настоящемъ своемъ мѣстѣ, или итти въ монастырь, или наконецъ поступить въ академію. Но все эти пути представляли для меня не маловажныя и затрудненія. Остаться молодому, одинокому вдовцу въ мірѣ, среди соблазновъ и искушеній—не безопасно; итти въ монастырь—боялся праздности и скуки; болѣе всего занимала меня мысль объ академіи, но устрашала сидячая тамъ жизнь, при довольно разстроенномъ уже здоровьи.

Среди этого раздумья и колебаній, я обратился за совѣтомъ къ моему доброму, хотя и отдаленному родственнику, о. Василию Сапоровскому, который самъ испыталъ, подобно мнѣ, состояніе вдовства. И вотъ какой совѣтъ получилъ отъ него въ письмѣ отъ 24-го августа:

„За краткое трогательное и вмѣстѣ пріятное письмо ваше отъ 21-го іюля приношу чувствительнѣйшую благодарность. Оно прочталь я не одинъ разъ и судилъ о горестномъ вашемъ положеніи, потому наиболѣе, что этотъ крестъ понесъ самъ съ юности. Слава всеблагому Богу, что доселѣ подъ онымъ не изнемогаю. Правда, и теперь много предстоитъ непріятностей; не столько борются меня страсти, сколько внѣшніе недоброжелатели, такъ что и ближніе мои отдалече мене стаща, говорятъ о погибели моей и о коварствахъ помышляютъ всякій день.... Не даромъ поютъ: „Ахъ! скучно одинокому и дереву расти: такъ тошно, грустно молодцу безъ милой живъ вести“.

Такъ! въ разсужденіи будущей судьбы своей вамъ нужно подумать и подумать, какъ совѣтоваль мнѣ старинный другъ, преосвященнѣйшій Аркадій ¹⁾, не день и не недѣлю. Одни убѣждаютъ васъ держаться на своемъ мѣстѣ, на что и ваше есть собственное желаніе; другіе совѣтуютъ вступить въ академію; наконецъ, большая часть думаютъ безъ зачету забрѣчь васъ въ монахи. Не знаю, какой дать мнѣ вамъ

¹⁾ Феодоровъ, архіепископъ Олонецкій, † 1870. Онъ былъ родомъ изъ Владимірской епархіи, окончилъ курсъ студентомъ Владимірской духовной семинаріи и въ 1815 году былъ смотрителемъ Владимірскаго духовнаго училища.